

фантази
МУЖЕСТВО УЗНИКОВ ПРОТИВ
БЕЗРАЗЛИЧИЯ ИМПЕРИЙ

СВОБОДА ВЕДУЩАЯ НАРОД

ОСТРОВ ВОЛЬНОСТИ

АЛЕКСЕЙ МУХА

Алексей Муха
Остров Вольности

«Автор»

2026

Муха А.

Остров Вольности / А. Муха — «Автор», 2026

Элиас выжил в Великой войне и вернулся домой. Но дома больше нет. Есть только белые сияющие стены, фонтаны и улыбчивые люди, которые называют его героем, суют в руку золото — и тут же отправляют в ссылку. За то, что он задал не тот вопрос. Жена, к которой он мечтал вернуться, теперь носит ожерелье любовницы маркиза и бросает ему монету, словно нищему. Его мир рухнул. Война, ради которой он терял друзей, оказалась грандиозным обманом. Теперь его вывозят на пустынный остров — тихо и гигиенично утилизировать, как ненужный хлам. Остров должен был стать его могилой. Он станет кузницей.

© Муха А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Колодец	5
Глава 2. Новый мир.	14
Глава 3. Комендант.	23
Глава 4. Жёлтый флот и горечь Чёрных холмов	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алексей Муха

Остров Вольности

Глава 1. Колодец

Раньше здесь была лишь пыльная тропинка, колодец с покосившимся срубом и вдали – суровый силуэт городских стен. Теперь Элиас стоял и не узнавал места.

Вместо тропы – вымощенная плитками площадь. Вместо грязного круга земли – клумбы с какими-то невиданными, слишком яркими цветами. Колодец преобразился в каменный павильон, а от него, журча, бежали по канавкам искусственные ручейки, соединяясь в маленький пруд с лилиями. Пахло не пылью и лошадиным потом, а медовым ароматом цветов, э.

Элиас замер, и в голове, привыкшей к лаконичным солдатским мыслям, медленно оформилось лишь одно слово: Невероятно.

Рассвет. Он здесь один. На нём – потрёпанная кожаная куртка, давно потерявшая всякий намёк на гибкость, и походные штаны. За спиной – тощая котомка. В руке – алебарда с тусклым лезвием. Доспехов не было. Их продал ещё на той стороне гор, когда закончилось жалование, а есть хотелось каждый день.

Всё, что осталось – это путь до порта, горсть медяков на самый дешёвый билет до Мекаса и упрямая, как ломовая лошадь, мысль: добраться до своего острова. Домой.

К парку подтягивались первые женщины с вёдрами. И к ним – человек, которого Элиас принял сначала за сумасшедшего.

Это был старик с блродой в простом, но чистом хитоне. Он не набирал воду. Он задавал вопросы.

«Скажите, почтенная, – обратился он к первой, молодой, с усталым лицом. – Сколько бы вы хотели, чтобы ваш муж зарабатывал в месяц?»

Женщина смутилась, пожала плечами.

«Ну... пятьсот динариев?»

«Почему именно пятьсот?» – тут же спросил старик.

«А... чтобы хватило на новую крышу и чтобы ребёнок в школу мог...»

«Благодарю! Прекрасная мысль – инвестиция в будущее!» – воскликнул мужчина и сделал пометку на восковой табличке.

Он переместился ко второй, пожилой.

«А вы?»

«Семьсот, – буркнула та, не глядя. – Молока подорожало. Да и отцу лекарства нужны.»

«Справедливо! Забота о корнях и ростках!»

Третья, задорная, выпалила:

«Тыщу! А лучше полторы! Чтобы раз в месяц в таверну сходить, как приличные люди!»
Старик радостно закивал, скрипя стилусом.

Элиас слушал, и внутри всё медленно закипало. Годовое жалование старшего рядового – 144 динара. Если повезёт и не задержат. За четыре года он не увидел и половины. А эти... они с потолка цифры брали. Целые состояния. За крышу, за молоко, за посиделки в таверне. В его памяти всплыли лица его полка: скуластый Карло, мечтавший купить козу; юный Лис, писавший матери, что привезёт «целый золотой»; седой сержант, жевавший коренья от боли в зубах... Все они остались там, за хребтом, в сырой земле без крестов. Ради чего? Ради того, чтобы здесь, у колодца-павильона, его спрашивали о тысячах динариев?

Его ноги сами понесли его вперёд. Скрип сапог по плитняку заставил старика обернуться. Элиас остановился перед ним, сжимая древко алебарды так, что пальцы побелели.

– А вы, мил человек, сколько зарабатываете? – спросил он, и его голос прозвучал не как вопрос, а как обвинение.

Старик слегка отстранился, его уверенная улыбка дрогнула.

– Это... не так просто сказать. Я философ. Занимаюсь исследованиями общественного блага, а...

– А я, между прочим, воевал! – перебил его Элиас. Горечь, что копилась все эти мили, хлестнула наружу. – С Тёмным Злым Колдуном воевал! И с Злой его Колдуньей! Пол-армии положили, чтобы зло это победить! Сам Гельмут, великий волшебник, ради того чтобы их Злую Чашу уничтожить, кости свои сложил! А мы в это время злые орды на себя оттягивали, эти самые злые форсы...

– Боже мой, – вздохнул философ, и в его глазах мелькнуло не сожаление, а живой, едкий интерес. – Да вы в каждом предложении по «злому» вставили. Это какая-то навязчивая идея, молодой человек. Риторика нищего ярмарочного кукольника.

– «Форсов» – философ брезгливо сморщился, будто вспоминая дурной запах. – Давно устаревшее слово. Теперь это просто картинка из страшной сказки: горбоносые, с сизой кожей. Легенда о войне, которую закончили без тебя четыре года назад. Что ж ты так запоздал-то, победитель? Где тебя носило все это время?

Элиас сгрёб пальцами волосы. Этот спокойный, аналитический тон обдал его холодом, хуже горного ветра.

– Я два года после победы добивал «темных форсов» – да, я буду их так называть! – по всем ущельям! Освобождал окраины Пустошей, чтобы вы их «Серыми» назвали! И за это мне – половину обещанного! Мизер!

Он резко махнул рукой туда, где только что стояли женщины.

– А они? Цены называют, будто на всё им наплевать! Это как понимать?

Философ вздохнул с профессиональным сожалением.

– Твой вопрос неконкретен. Это выплеск, а не диалог. Я не соучастник твоего дурного настроения.

Он четко кивнул, развернулся и ушёл. Сандалии мягко зашуршали по плитке, будто стирая сам след этого разговора.

Элиас остался стоять один. Всё внутри будто опустело. Он медленно, будто кости его были свинцовыми, опустился у колодца, прислонив спину к прохладному камню. Голова гудела. Он задумался, уставившись в точку на идеально чистой брусчатке.

К колодцу подошла девушка с пустым ведром.

Элиас, не глядя на неё, пробормотал:

– Набери мне воды попить.

Та фыркнула:

– Сам набери, ты что, безрукий, что ли?

Он поднял на неё взгляд:

– Да у меня ведра нет. Только если в шлем набирать. А шлем и то кожаный, и с трещинами весь. Испорчу и свой шлем, и воды не попью.

Девушка прищурилась, смерив его взглядом с ног до головы – потрёпанная кожа, пыль, пустота во взгляде.

– Ты что, пришёл с Великой войны?

– Да, – выдохнул он. – Только не могу понять, кто здесь победил, пока. Вроде бы мы. Но я себя победителем не чувствую.

Девушка понимающе посмотрела, кивнула. В её глазах промелькнуло что-то знакомое – не жалость, а усталое узнавание. Таким же потерянным вернулся год назад её брат. И исчез через месяц, отправленный «на великую стройку Севера».

Она молча закинула бадью в колодец, набрала воды. Поднесла ведро к нему.

– Пей.

Он напился, длинными глотками, и отдал ведро обратно.

– Спасибо.

– Где ты живёшь? – спросила она, ставя ведро на землю.

Он на мгновение растерялся.

– Я вообще-то живу... в селе острове Мекас. И мне, чтобы добраться до моей родины, нужно в порту... купить билет на переправу. Вот и за несколько часов я уже буду на своём острове, дома.

Девушка подхватила своё ведро одной рукой, другой махнула ему, чтобы шёл за ней.

– Пойдём, я тебя угощу завтраком. Ты, наверное, голоден.

Он, не находя слов, лишь молча кивнул и, подняв свою алебарду, пошёл следом за ней, оставив у колодца только тень от уходящего рассвета и круги на воде, которые давно успокоились.

Они пошли не по улице, а углубились в парк, который начинался прямо от колодца. И тут у Элиаса челюсть отвисла, а глаза полезли на лоб. Это была не просто зелёная лужайка с парой скамеек. Это был шедевр, о котором он не мог и мечтать.

Прямые, как стрелы, аллеи из желтоватого щебня расходились лучами от круглых площадок. По их сторонам, с математической точностью, были высажены низкие, идеально подстриженные кусты, образующие сложные геометрические узоры – спирали, квадраты, завитки. Между ними цвели клумбы, но не беспорядочные, а составленные в узор из лепестков раз-

ного цвета: алые розы обрамляли серебристую полосу неизвестных цветов, синие колокольчики образовывали волну на фоне изумрудного мха.

Через каждые двадцать шагов били фонтаны. Не простые родники, а настоящие сооружения из белого, отполированного до блеска камня. В центре круглых бассейнов возвышались скульптурные группы: могучие тритоны, из ртов которых били струи воды; грациозные лебеди с выгнутыми шеями; нимфы с кувшинами, из которых вода стекала каскадом в чашу. Вода сверкала на утреннем солнце, наполняя воздух мелодичным плеском и прохладой.

Между аллеями, на идеальных газонах, стояли статуи. Не грубые изваяния местных божков, а утончённые мраморные фигуры в динамичных позах: лучники целятся в невидимую цель, девушки застыли в танце, мудрецы склонились над свитками. Каждая деталь была проработана – складки одежды, мышцы, выражение лиц, отстранённое и прекрасное.

Элиас шёл, и мир вокруг потерял всякую реальность. Его голова поворачивалась короткими, резкими движениями, будто он высматривал засаду, но видел лишь ослепительную, математическую пустоту красоты.

Его обшарпанная кожаная куртка, грубые сапоги и длинная, утилитарная алебарда, которую он нервно держал на перевес, будто ожидая засады из-за ближайшей стриженной изгороди, выглядели здесь диким, гротескным анахронизмом. Он чувствовал себя зверем, забредшим в храм. Девушка же шла спокойно, уверенно, держа в одной руке ведро с водой, слегка покачивая его в такт шагам. Она была частью этого нового, отполированного мира.

Наконец, Элиас нашёл в себе силы связать слова, указав алебардой на ближайший фонтан, где вода лилась в мраморную чашу, достаточно большую, чтобы напоить целый отряд.

– А что... зачем эти фонтаны? Почему ты не набираешь воду в фонтанах, а набираешь в колодце? Здесь же ближе.

На секунду перед глазами встало не это мраморное великолепие, а чёрный провал скалы, с которого по капле сочилась жижка, которую он неделю собирали в шлем, чтобы не умереть от жажды.

Девушка рассмеялась, коротким, звонким смехом.

– Да ты и правда с луны свалился! Маркиз Барабан строго-настрога запрещает как-либо прикасаться к этой воде. Хотя она берётся, – она сделала многозначительную паузу, – каким-то образом она берётся именно из тех источников, с которых мы набираем воду. Но прикасаться к ней в фонтанах строго запрещено. Иначе – большой штраф. А после заката здесь... – она понизила голос до конфиденциального шёпота, и в её глазах мелькнула ирония, – оцепляется территория, и маркиз со своими многочисленными любовницами устраивает тут игрища. И та, которая была самая талантливая за все эти игрища, награждается специальным ожерельем из фиолетовых гранитов. И все знают, что эта женщина... она, скажем так, не простая.

Элиас смотрел на неё, не понимая. Его мозг, заточенный под выживание в горах и патернуирование пустошей, отказывался переваривать эту информацию.

– Как... это же... Я жил здесь! Этого всего вообще не было! Откуда это взялось? Кто это построил?

Девушка покачала головой, смотря на него с лёгким удивлением и жалостью.

– Ну ты даёшь! – она вздохнула. – Ладно. Меня, кстати, зовут Лиана. А тебя?

– Элиас.

– Ну так вот, Элиас. Это ты должен был нам рассказывать, а не я тебе. Но ладно, слушай. Сразу после победы над Злым Колдуном, в наше Белое Королевство приплыли корабли. Гружёные до верху. Золотом, самоцветами, слитками орихалка, древними артефактами, тканями – всем, что Тёмный Колдун веками накапливал в своих землях. Пять королевств, которые участвовали в битве, разделили добычу между собой. Ты что, не знал? Теперь каждый город, а тем более такой порт, как Минрин, стал... ну, как наш великий стольный град. И все солдаты сейчас переквалифицированы в строительных рабочих. И строят. С утра до вечера строят. Возводятся новые здания, мосты, дороги. И вот такую красоту – тоже строят.

Элиас слушал, и его лицо становилось всё более каменным. Он смотрел то на сверкающие струи фонтана, то на свою заскорузлую, в потёртостях и подтёках пота руку, сжимавшую древко алебарды. Он смотрел на свои прохудившиеся сапоги, стоявшие на идеальном щебне, стоимость которого, он был уверен, превышала всё его жалование за четыре года.

– Я... не могу в это поверить, – хрипло прошептал он.

– Да слушай, мы сами не могли в это поверить сначала! – весело сказала Лиана, но её веселье звучало немного натянуто. – Но уже пошёл пятый год новой эпохи после того, как Великая Война закончилась с победой добра. Мы строим наш новый и светлый мир.

Именно в этот момент они вышли из парка на широкую, мощённую белым камнем эспланаду. И перед ними, перекрывая горизонт, вздымались стены. Но не старые, знакомые Элиасу стены Минрина – невысокие, бугристые от многовековых ремонтов. Это были новые стены. Циклопические. Высотой метров двадцать, если не больше. Сложенные из тёсаных блоков того же белого камня, они сверкали на солнце, словно отполированные. Перед ними зиял глубокий, очищенный ров с крутыми откосами, через который был перекинут массивный разводной мост на толстых цепях. Мост был опущен. В огромных, дубовых, окованных бронзой воротах, достаточно широких, чтобы проехать три повозки в ряд, зиял тёмный проём. По обеим сторонам от ворот, на зубчатых парапетах, стояли часовые. Не в привычных кольчугах и полудоспехах, а в полных латных доспехах стального цвета, начищенных до ослепительного блеска. Их неподвижные фигуры с алебардами у плеча напоминали статуи из парка, только куда более опасные.

Элиас остановился как вкопанный. Он медленно провёл взглядом по стене, от одного края горизонта до другого. Его солдатский ум автоматически оценивал высоту, толщину, секторы обстрела. Это была не оборонительная стена. Это был символ мощи. Дорогостоящий, бессмысленно грандиозный в мирное время.

Он повернулся к Лиане, и его голос прозвучал громко, наполненный горьким недоумением, которое переполняло его с момента того колодца:

– А зачем в вашем новом и светлом мире, если он новый, добрый и светлый... такие толстые и высокие стены?!

Слова прозвучали как выстрел в тишине утра. Лиана замерла. Её лицо побледнело. Она резко, по-кошачьи, огляделась по сторонам. Никто, казалось, не услышал. Часовые на стене не шелохнулись. Прохожих поблизости не было. Тогда она, с силой, которой он от неё не ожидал, схватила его за потрёпанный воротник куртки и дёрнула на себя, прижав к стволу ближайшего дерева.

– Ты что, дурак, что ли?! – прошипела она ему прямо в лицо, её глаза сверкнули, неигровой злостью и страхом. – Замолчи ты! Безумный, что ли?!

Она трясла его несколько секунд, её пальцы впивались в кожу. Потом её взгляд встретился с его – растерянным, шокированным, ничего не понимающим. И злость в её глазах сменялась на внезапное, леденящее осознание. Она отпустила его, отшатнувшись, и снова огляделась. Её голос стал тихим, сдавленным, но каждое слово было отчеканено из стали.

– Ты же... ты же ничего не знаешь. Послушай. И запомни раз и навсегда, пока не сгинул в каменном мешке под казармами. У нас здесь строгая цензура. Ни слова. Ни одного слова нельзя говорить, чтобы ругать или как-то ставить под сомнение власть Маркиза Барабана и его подданство великому королю нашего Белого Королевства. Никаких «зачем», никаких «почему». Понял? Никаких. Потому что последствия... – она облизнула внезапно пересохшие губы, – последствия бывают очень серьёзные. У этих больших стен, – она едва заметно кивнула в сторону белого гиганта, – такие же большие уши. Знай это.

Элиас молча кивнул. Его горло сжалось. Этот страх в её глазах, этот шёпот, полный ужаса – это было знакомее, роднее и страшнее любой орды злых форсов. Это был страх не перед явным чудовищем, а перед невидимой, всепроникающей силой, которая превратила победу в эти блестящие стены и запретила задавать вопросы. Он кивнул ещё раз, не в силах вымолвить ни слова.

Лиана отдышалась, поправила платье, взяла ведро. Её лицо снова стало обычным, чуть уставшим лицом горожанки.

– Идём, – коротко бросила она, уже не оглядываясь на него. – Домой. Позавтракаем. А потом... потом подумаем, как тебе быстрее добраться до твоего острова.

И они пошли дальше, под сенью белых, безмолвных, всевидящих стен.

Они шли к огромным белым воротам, и Элиас всё ещё не мог прийти в себя после слов Лианы о больших ушах у больших стен. Его собственные шаги по безупречной мостовой казались ему нелепо громкими. Они уже были в нескольких десятках шагов от опущенного моста, когда из тени арочного проёма выдвинулись четыре фигуры.

Стража. Не те блестящие статуи на парапете, а живые люди в таких же латных доспехах, но с видимыми следами службы – царапинами на стали, потёртыми ремнями. Они ошетинились, выставив вперёд длинные, ухоженные алебарды с острыми, как бритва, наконечниками. Над их головами, на маленьких балкончиках-машикулях по бокам от ворот, щёлкнули взводимые курки. Двое арбалетчиков прицелились прямо в грудь Элиасу.

– Стой! Кто идёт?! Вооружённым вход воспрещён! – прокричал старший, голос, оглушительный в каменном мешке ворот.

Тело Элиаса среагировало раньше сознания. Мгновенно, по тысяче раз отработанному в тренировках движению, его правая нога отшагнула назад, он присел, перенес вес, и алебарда в его руках взметнулась, описывая дугу и замирая в угрожающей боевой стойке, остриём к ближайшему стражнику. Его взгляд сузился, мышцы напряглись – это была чистая, животная реакция на прямую угрозу.

Длилось это доли секунды. Он увидел широко раскрытые глаза стражников, увидел, как пальцы арбалетчиков побелели на спусковых крючках. И сознание наконец догнало инстинкт. «Ты в своём городе. Война кончилась. Эти люди не враги». Он резко выпрямился, вогнал

древко алебарды в специальное гнездо на плитах (он с удивлением заметил, что они были для этого приспособлены) и встал по стойке «смирно», вытянувшись в струну, как перед сержантом на смотре.

– Солдат Великой Армии, – отчеканил он, голос сорвался с непривычки, но звучал громко. – Вернулся с Великой Войны. Имею документ.

Дрожащими от адреналина пальцами он полез за пазуху, под потёртую кожаную куртку, и извлек оттуда свёрнутый в трубку, засаленный, но бережно обёрнутый в промасленную тряпицу свиток. Он протянул его вперёд.

Стражи переглянулись. Удивление было написано на их лицах так явно, что даже забрала не скрывали. Старший сделал едва заметный жест, и арбалетчики опустили оружие, хоть и не убрали пальцы со спусков. Один из стражников, помоложе, опустил алебарду и подошёл. Он взял свиток, развернул, пробежал глазами по выцветшим чернилам, по печатям – печати полка, печать интендантской службы, королевская печать. Он поднял глаза на Элиаса, на его измождённое, небритое лицо, на потрёпанную экипировку. И вдруг его лицо озарилось широкой, искренней улыбкой. Он похлопал Элиаса по плечу так, что тот чуть не пошатнулся.

– Проходи, герой! Проходи! У нас для тебя тут кое-что есть!

Стражник поднёс ко рту маленький серебряный свисток и издал пронзительный, трелистый звук, от которого заложило уши. А затем крикнул так, что эхо понеслось по всей эспланаде:

– У нас! Победитель!

И город проснулся. Вернее, он уже бодрствовал, но теперь пришёл в движение именно здесь. Из караульного помещения у ворот высыпали ещё шесть человек. Из дверей ближайших, нарядных теперь уже домов, выглянули люди. И те шесть стражников, не мешкая, ринулись к Элиасу. Они не схватили его – они бережно, но решительно выхватили у него из рук алебарду (он инстинктивно сжал было древко, но отпустил) и подхватили самого на руки! Четверо подняли его, как на носилках, остальные встали вокруг.

– Эй, что вы... – начал было Элиас, но его голос потонул.

С двух сторон от ворот вышли два человека с длинными, изогнутыми трубами. Они поднесли их к губам, и над площадью грянул торжественный, ликующий туш. А один из стражников, тот самый что читал свиток, выкрикивал, поднимая кулак в воздух:

– Слава победителю! Слава победителю Великой Войны!

Из ближайшего переулка выскочил мальчишка с корзиной, полной свежих лепестков роз, и принялся щедро осыпать ими Элиаса. Лепестки прилипали к его грязной куртке, падали на лицо, пахли невыносимо сладко и чуждо.

И тут же, будто по мановению волшебной палочки, площадь заполнилась народом. Купцы, горожане, ремесленники, женщины с детьми – все сбегались на звук труб и крики. Увидев солдата на руках у стражи, они подхватили:

– Слава победителю! Слава великому воину!

Его качали. Не на руках, а именно подбрасывали вверх, подхватывая, как это делают с именинником. Он летал в воздухе, беспомощный, растерянный, перепуганный до смерти. Его мир, ещё минуту назад состоявший из подозрений, страха и горького недоумения, перевернулся с ног на голову. Он пытался что-то сказать, но в горле стоял ком. Он видел мелькающие снизу улыбающиеся лица, слышал оглушительное «ура!». Это длилось вечность. Минут десять, может больше.

Наконец, неся его теперь уже как священную реликвию, толпа двинулась от ворот не вглубь города, а вбок, к новому, ослепительно белому зданию с колоннами, которое он раньше принял за дворец. Это было святилище. Новый храм. Его внесли под высокие своды, где пахло ладаном и воском. Толпа осталась снаружи, а стражники на руках пронесли его к низкому мраморному алтарю в центре и наконец поставили на ноги. Элиас пошатнулся, его ноги были ватными.

Перед ним предстал самый главный стражник, тот, что первый кричал. На его доспехе был выгравирован более сложный узор.

– Великий воин, – торжественно начал он, и его голос гулко разносился под куполом. – Тебе выпала великая честь предстать перед алтарём нашего нового Храма Победы и Света. Мы воздаём тебе торжественную, официальную благодарность от имени Маркиза Барабана и всего народа Минрина.

Он сделал знак, и две девочки в белых платьях, лет десяти, поднесли большой, тяжёлый на вид золотой таз, наполненный чистой, прохладной водой. Они поставили его у ног Элиаса.

– Великий победитель, омой свои ноги, уставшие после великого похода, – продолжил стражник. – Тебя ждёт великое, светлое будущее. Ты дома. Ты заслужил почёт, покой, чистоту и умиротворение. Теперь ты – часть нашего нового мира.

Потом стражник наклонился чуть ближе, и его торжественный тон сменился на тихий, но не менее твёрдый, административный:

– Завтра, ровно к полудню, ты обязан явиться в Военную Комендатуру, что на Площади Якоря. Предстанешь перед заместителем маркиза по делам ветеранов. Доложишь обо всём: где служил, твои странствия. Секретари подробно всё запишут. Для архива. И для твоего возможного распределения на дальнейшую службу, если пожелаешь. Всё понятно?

Элиас мог только кивать, как марионетка. «Всё понятно».

Тогда церемония продолжилась. Ему на шею надели венок из живых, душистых цветов, перевитых золотой нитью. Потом – лёгкое, но изящное ожерелье из серебряных нитей, с маленькой, тонкой золотой рыбкой, подвешенной как кулон. Она холодно прикоснулась к его груди. Главный стражник удалился в глубину храма и вернулся через несколько минут. Он протянул Элиасу небольшой, но увесистый мешочек из плотной ткани. Тот звонко заурчал в его руке. Звон золотых монет.

– Это тебе подъёмные. На первое время. Чтобы снял жильё, чтобы не бедствовал, освоился, отдохнул. Завтра, помни, в комендатуру. Всё понятно?

– Да-да, – наконец выдавил из себя Элиас. – Всё понятно.

Девочки в белом усадили его на принесённый стражником стул, бережно сняли его разбитые, вонючие сапоги и омыли его загрубевшие, покрытые мозолями и старыми ссадинами ноги в золотом тазу. Вода была ледяной. Потом одна из девочек ладошкой прикинула размер его стопы, скрылась в боковой двери и вернулась с парой новых, добротных, мягких сапог из тонкой кожи. Они надели их на него.

– Все мы тебя ещё раз поздравляем, – сказал главный стражник, и в его голосе снова зазвучала официальная теплота. – Если бы не ты и такие, как ты, ничего бы этого не было. С миром, герой.

Элиас стоял, механически кивая. Новые сапоги жали подъём, золотая рыбка холодным комком давила на грудь. В ушах звенело от тишины после недавнего гула, а в носу стоял приторный запах цветов, смешанный с запахом воска. Он чувствовал себя не героем, а чучком, наряженным для праздника, смысла которого он не понимал. Его горечь и ярость, ещё кипевшие у колодца, были теперь аккуратно упакованы, омыты и подавлены тяжестью мешочка в его руке.

И тут он услышал сзади сдавленный хохот. Он обернулся. Лиана стояла у колонны, держась за живот, и беззвучно тряслась от смеха, слёзы катились у неё из глаз. Когда она увидела его взгляд, она не выдержала и залилась звонким, безудержным хохотом.

– А-ха-ха-ха! Ох, боже мой! А ты что думал?! – выдохнула она, утирая глаза. – Так приятно! Так встречают всех победителей! Просто... в основном все победители уже вернулись. В первый или во второй год Новой Эпохи. В основном на севере так. Ну, иногда есть такие, как ты, которые возвращаются на пятом году. Да, большая редкость, но всё-таки! Такие у нас обычаи. Ну что, победитель? – она подошла к нему, всё ещё хихикая. – Пойдёшь на завтрак в мой дом? Или, может, останешься в каком-нибудь трактире, теперь, когда ты богач?

Элиас посмотрел на мешочек в своей руке, на новые сапоги на ногах, на золотую рыбку у себя на груди. Он медленно кивнул, его голос был глухим и потерянным.

– Пойду... в твой дом.

И они пошли дальше, покидая храм под одобрительные взгляды стражи и последние, уже стихающие аплодисменты собравшегося у входа люда. Элиас шёл, не чувствуя под собой ног, неся на себе груз невообразимых почестей и тяжёлый, звенящий мешочек, который жёг ему ладонь.

Глава 2. Новый мир.

В доме Лианы пахло дымом, хлебом и покоем. Этим простым, укоренённым покоем, которого Элиас не знал четыре года. Он сидел за грубым дубовым столом, обхватив кружку пива обеими руками, как будто это был горящий уголь, который мог согреть что-то внутри.

Лиана разливала похлёбку. Янык, её муж, отодвинул пустую тарелку и пристально посмотрел на Элиаса. Его взгляд был тяжёлым и пронизательным, как якорь.

– Так... Алебарду у тебя отобрали окончательно? – спросил Янык, и в его голосе не было ни капли сочувствия, лишь констатация.

Элиас кивнул, не отрывая взгляда от пены в кружке.

– У всех отбирают, – продолжил Янык, отхлебнув пива. – До смерти боятся вооружённых. А вот древко... Попробуй выщарапать. Скажи, что на память. Десять лет ты с ним прошёл – оно твоё по праву. Иногда такие просьбы проходят.

– Спасибо, – хрипло сказал Элиас.

Наступила пауза, нарушаемая лишь потрескиванием лучинки в очаге. Элиас чувствовал, как напряжение копится в его сжатых челюстях. Он поставил кружку.

– Объясните мне, – сказал он, и голос его звучал как скрип ржавых петель. – Что здесь произошло? Этот парк... эти стены... философ, считающий динарии в чужих карманах у колодца. Я уходил на войну с грязным местечковым портом. Вернулся... в столицу империи. Которой не было.

Лиана и Янык переглянулись. В этом взгляде был целый диалог: «Говорить?», «Придётся», «Как бы чего не вышло».

– Слушай, солдат, – начал Янык, наклоняясь через стол. Его голос стал тише, плотнее. – Ты представь: пять псов дрались с одним медведем. Медведя убили. А что потом?

Элиас пожал плечами.

– Делили шкуру.

– Умно. А если шкура – целый континент? А если у одного пса клыки острее, а хозяин дома, где всё это происходило, – он? – Янык ударил себя пальцем в грудь. – Минрин был портом. Через нас шли все поставки на фронт, через нас возвращалась добыча. Мы были... складом. А кто владеет складом в конце войны?

– Тот, кто на нём сидит, – пробормотал Элиас, и кусок хлеба в его горле стал сухим и безвкусным.

– Именно. – Янык откинулся на спинку стула. – И вот наш «хранитель склада», маркиз Барабан, отправляет письма четырём королям. Мол, «братья по оружию, победа одержана, но земли лежат в руинах. Давайте не будем ссориться из-за награбленного у Колдуна. Давайте вложим его в будущее. Построим дороги, восстановим города. А чтобы всё было честно – давайте

свезём сокровища сюда, в Минрин, в нейтральный порт. Будем распределять по справедливости, комиссией». Звучало благородно.

Лиана фыркнула, вытирая руки об фартук.

– Звучало. А на деле оказалось, что «комиссия» – это Барабан и его придворные. «Справедливость» – это сначала отстроить Минрин до небес, как «символ возрождения», а уж потом, что останется, отправлять союзникам. А что оставалось? Обьедки с барского стола и счета за «логистику» и «охрану общего фонда».

Элиас почувствовал, как холодная волна проходит по спине.

– И... они согласились? Короли?

– Сначала возмущались, – сказал Янык. – Грозилась. Но у каждого свои проблемы были: свои ветераны, которых надо кормить, свои земли, разорённые войной. А здесь... Здесь уже струились фонтаны и росли белые стены. Здесь уже работал механизм. Проще было получить хоть что-то сейчас, чем начинать новую войну за всё. Они согласились. А потом... привыкли. Теперь они не короли-победители, а... просители. Приезжают с поклоном, выпрашивают средства на новый мост или на подавление крестьянского бунта. А Барабан им выделяет. С важным видом. С условиями. Так, глядишь, и гарнизоны свои в их городах поставил, «для защиты инвестиций».

– Он сделал их вассалами, даже не обнажив меч, – тихо произнёс Элиас, и картина складывалась в голове, страшная и гениальная в своём цинизме. – На деньги, которые мы... которые они добыли кровью.

В его памяти всплыл юный Лис, писавший матери про «целый золотой». Где тот золотой? Расплавлен, превращён в позолоту для фонтанной нимфы. Где сержант с большими зубами? Вероятно, лежит в сырой земле где-то за хребтом, а на лекарства для таких, как он, маркиз выделил союзникам скромный грант, вычтя из него проценты за просрочку.

Ярость, та самая, что кипела у колодца, снова поднялась в горле. Но теперь она была не слепой, а холодной и тяжёлой, как слиток свинца.

– И всё это... фонтаны, парки, стены... это просто... показуха? – спросил он, с трудом выговаривая слова. – Чтобы пускать пыль в глаза?

– Нет, – резко сказала Лиана. Её глаза горели. – Это чтобы мы помнили. Чтобы каждый, кто выйдет на улицу, упирался взглядом в этот... этот порядок. В этот блеск. И понимал: это – воля маркиза. Его сила. Его мир. Грязь, хаос, бедность – это бунт. А бунт карается. Красота здесь – закон. Строгий, как устав караульной службы. Ты же сам видел: травинка не смеет упасть не там.

– А стены? – голос Элиаса сорвался. – Зачем стены, которые втрое выше прежних? От кого? Война кончилась!

Янык усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли веселья.

– От кого стены? Может, от тех, кого он ограбил. Может, от нас, ветеранов, которые ещё помнят, как держать оружие, и могут спросить: «А где наша доля?». А может... – Он понизил голос до шёпота, и Элиас инстинктивно наклонился к нему. – Может, он сам всего боится.

Пустоты. Тишины после победы. Война давала смысл, враг был понятен. А теперь враг – это сомнение. Вопрос «зачем?». Этими стенами он задавил все вопросы. Смотри: мы сидим в его идеальном городе, в идеальном доме, и шепчемся, как заговорщики. Потому что за дверью – его мир. И у этого мира большие уши.

Элиас откинулся назад, ощутив всю тяжесть сказанного. Его остров, Мекас, казался теперь не точкой на карте, а другим измерением, мифом о свободе, которую съела эта белая, геометрическая машина под названием Минрин.

– Что же мне делать? – спросил он, и в его голосе прозвучала не детская растерянность, а усталый вопрос солдата, ищущего команду.

– Завтра явиться в комендатуру, – без колебаний ответил Янык. – Сделать вид, что проглотил всю эту сладкую пилюлю с цветами и золотыми рыбками. Рассказать им про лишения и верность. Получить свою бумажку. А потом... – Он прищурился. – Потом решай. Можно остаться. Стать винтиком. Благо, винтики здесь живут неплохо, если смазаны и не скрипят. А можно... попытаться добраться до своего острова. Но знай: если уедешь – назад дороги не будет. Ты станешь предателем своего же нового, блестящего прошлого.

Лиана положила руку на руку Элиаса. Её ладонь была шершавой и тёплой.

– Остайся сегодня, – тихо сказала она. – Выпись. Утром – видно будет.

Элиас посмотрел на свои руки, на новые сапоги, которые стояли у порога, как трофей, на золотую рыбку, холодным пятном лежавшую под рубахой. Он был дома. Но этот дом оказался крепостью, построенной на костях его друзей, а он – почётным пленником за её стенами.

Он кивнул. Слова кончились.

Янык собирался в порт, Лиана – на рынок. В доме воцарилась тишина, непривычная и гулкая после утра. Элиас сидел у стола, механически перебирая тяжелые монеты из мешочка. Их звон казался ему теперь не музыкой богатства, а похоронным перезвоном по всему, во что он верил.

Он подошел к узкому оконцу, отодвинул грубую холщовую штору. Вид открывался на нижнюю часть города, на сверкающую набережную. Там кипела жизнь нового Минрина: разгружались корабли с мраморными блоками, купцы в ярких одеждах осматривали товары, по идеально чистым плитам прогуливались пары.

И тут его взгляд, скользивший по чужим лицам, наткнулся на знакомый силуэт. Женщина в платье цвета морской волны, с уложенными в сложную прическу каштановыми волосами. Она смеялась, запрокинув голову, и этот смех, беззаботный и звонкий, словно удар колокола, отозвался в его памяти.

Арина.

Сердце Элиса сжалось, потом забилося с бешеной силой, глотая воздух. Он впился взглядом, не веря. Рядом с ней шла другая, помоложе, в платье из шафранового шелка, жестикулируя – его сестра, Мира. Они были не просто хорошо одеты. Они были роскошны. Ткань

переливалась на солнце, золотые нити сверкали в отделке. Но не это приковало его взгляд, а холодные вспышки на их шеях. У каждой – ожерелье из полированных камней глубокого, почти чернильного фиолетового оттенка. Фиолетовый гранит. Знак фавориток маркиза.

В его душе что-то оборвалось с сухим, болезненным щелчком. Все напряжение, вся горечь, весь холодный анализ Яныка – все это рухнуло, погребенное под одной простой, животной реальностью. Пока он гнил в горах и хоронил друзей, его жена и сестра... Они здесь. Они смеются. На их шеях – милость того, кто украл его победу и превратил его жизнь в ложь.

Он отшатнулся от окна, будто его ударили. В ушах зазвенело. Перед глазами поплыли пятна. Он сгреб пальцами волосы, ощущая, как мир сужается до точки яростной, белой боли в груди. Он не мог дышать.

«Не может быть. Они... Они думали, что я мертв. Их, наверное, принудили...» – слабая попытка разума найти оправдание разбилась о память об их смехе. О том, как Арина откинула голову. Это был смех женщины, которая чувствует себя в безопасности. Которая процветает.

Он посмотрел на свои руки – заскорузлые, в шрамах. На новую, чужую одежду, пахнущую чужим мылом. На золотую рыбку – жалкий сувенир от системы, которая съела его прошлое. Им было наплевать. Ему было наплевать.

Действовать нужно было сейчас, пока ярость не схлынула, не превратилась в оцепенение. Он сорвал с шеи душистый венок и швырнул его в угол, где тот бессильно рассыпался лепестками. Сдернул с себя ожерелье с рыбкой, сунул в карман. Мешочек с золотом полетел под лавку.

– Лиана! – его голос прозвучал хрипло и резко, когда она вошла в комнату с корзиной.

Та вздрогнула, увидев его лицо.

– Что с тобой? Ты белый как полотно.

– Покрывало. Большое, старое, грязное. И верёвка. Дай, – он не просил, он требовал, и в его глазах горел такой огонь, что она, не задавая вопросов, кивнула и скрылась в соседней комнате.

Через минуту она вернулась с грубым, поношенным покрывалом из верблюжьей шерсти, серым от времени и пыли, и куском бечёвки.

– Элиас, что ты задумал? – в её голосе прозвучала тревога.

– Увижу – пойму, – сквозь зубы бросил он, набрасывая покрывало на голову и плечи. Оно пахло пылью, овцой и выглядело бедно – идеально. Он обвязал верёвкой талию, превратив покрывало в безформенный балахон. Сгорбился, втянул голову в плечи. Посмотрел на Лиану.

– Похоже?

Она молча кивнула, её глаза были полны страха и догадки.

Элиас вышел на улицу, не оглядываясь. Солнечный свет, отражаясь от белого камня, ударил в глаза. Он зажмурился, опустил голову и заковылял, меняя походку на шаркающую, неуверенную. Дорога к набережной была в гору, и он, спотыкаясь нарочито, плелся, прислушиваясь к ритму города: крики торговцев, скрип повозок, смех.

Их силуэты он увидел издалека. Они стояли у парапета, любясь на море. Фиолетовые камни на их шеях сверкали, как злые глаза. С каждым шагом ярость в нём остывала, заменяясь леденящей, хищной ясностью. Он подошёл ближе, уловил обрывки разговора:

«...и маркиз обещал, что к зиме павильон в восточном саду будет готов...» – это голос Миры, но какой он стал уверенный, бархатный.

«...лишь бы не эти ужасные туманы с моря...» – Арина. Её голос. Тот самый. От него свело желудок.

Он подобрался почти вплотную, вдыхая знакомый, дорогой аромат духов Арины, теперь смешанный с чем-то чужим, более изысканным. Затем сторбился ещё сильнее, сделал свой голос скрипучим, жалким:

– Подайте, милые госпожи, слепому калеке... Куска хлеба...

Арина, не глядя, отшатнулась с лёгким брезгливым звуком. Мира же, по привычке сердца, ещё не окончательно зачерствевшего, потянулась к изящному кошельку у пояса.

В этот момент Элиас, вместо того чтобы протянуть руку, рухнул вперед, будто споткнувшись, и ухватился за её ногу в тонком шелковом башмаке.

– Подайте, голубушка, ослеп я на службе государевой... – завопил он, сжимая её лодыжку сквозь шелк. И поднял голову. Прямо в её лицо.

Их взгляды встретились. Его – из-под тени капюшона, полные отчаяния и немого вопроса. Её – сначала испуганные, раздраженные. Потом... они замерли. Она всматривалась. В эти глаза, которые знала с детства. В шрам, пересекавший тыльную сторону его правой руки, которая сжимала её ногу – шрам от удара серпом, полученный в их общем, далёком теперь детстве на Мекасе.

Цвет стремительно ушёл с её лица. Губы приоткрылись, но не издали звука. В её глазах мелькнул ужас, паника, а потом – сталь. Холодная, отточенная решимость. Она резко дёрнула ногу, освобождаясь от его хватки.

– Вот, несчастный, – её голос прозвучал неестественно ровно и громко, будто она играла на сцене. Она швырнула ему под ноги серебряную монету, которая звякнула о плиты. – Иди с миром.

Затем она повернулась к Арине, лицо её было теперь непроницаемой маской.

– Пойдём, дорогая. Здесь пахнет... немытым телом и тоской. Испортят настроение.

И она взяла Арину под локоть, решительно и властно, уводя её прочь быстрым шагом. Арина, бросившая последний брезгливый взгляд на «нищего», даже не замедлилась.

Элиас остался сидеть на камнях, глядя, как удаляются два роскошных силуэта, унося с собой последний осколок его прежней жизни. Он не видел слёз на щеках Миры, которые она смахивала украдкой, прежде чем скрыться за углом. Он видел только её холодную спину и фиолетовый блеск ожерелья, который теперь казался ему цветом предательства. Монета лежала у его колен, ослепительно яркая на белом камне. Он поднял её, сжал в кулаке так, что края впилась в ладонь. Боль была реальной. Всё остальное – ложью.

Он ещё сидел на камнях, сжимая в кулаке серебряную монету, как влажный след от поцелуя предательства, когда над ним стустилась тень.

– Встать!

Голос был резким, металлическим, лишённым интонаций. Элиас медленно поднял голову. Над ним стояли трое стражников в сияющих латах. Не те парадные статуи со стен, а патрульные – с тяжёлыми булавами у пояса и глазами, привыкшими к грязи под блестящим фасадом.

Главный, с капитанским нашивным узором на наплечнике, пнул его башмаком в ребро, несильно, но унижительно.

– Я сказал, встать, грязный пень! Не загораживай проход благородной публике.

Элиас, движимый оставшейся в нём солдатской выправкой, поднялся. Покрывало сползло с головы, открыв небритое, искажённое внутренней бурей лицо.

– Я не загораживаю, – глухо произнёс он. – Я просил милостыню.

– Просил? – капитан усмехнулся, оглядывая его с ног до головы. Его взгляд задержался на слишком добротных, хоть и пыльных, штанах, на плотной ткани рубахи под лохмотьями. – А по-моему, ты приставал к дамам. К определённым дамам. – Он кивнул в сторону, где скрылись Арина с Мирой. – Ты знаешь, что это за дамы?

Вопрос повис в воздухе. Элиас молчал. Его молчание было красноречивее любой дерзости.

– Я так и думал, – капитан сказал тихо, и в его глазах вспыхнуло нечто похожее на удовольствие. – Значит, ты не только бродяга и попрошайка. Ты ещё и слепой, раз не видишь знаков отличия. Фиолетовый гранит. – Он произнёс это так, будто выносил приговор. – Их носят только приближённые к самому маркизу. А за оскорбление и приставание к приближённым маркиза... – Он сделал шаг вперёд. – ...полагается особое наказание. Чтобы другим nepовaдно было портить вид нашего прекрасного города своими грязными руками.

Он не кричал «взять его». Он просто кивнул.

Удар дубинкой пришёлся Элиасу по почкам, сбив дыхание. Он согнулся, и тут же второй стражник ударил его сбоку по колену, заставив рухнуть на плиты. Мир заполнился болью, тяжёлым дыханием в железных шлемах над ним и глухими, методичными ударами. Они били не чтобы убить, а чтобы сломать и унижить – по рёбрам, по спине, по ногам. Он пытался при-

крыть голову, скрючившись, и сквозь гул в ушах слышал собственное хрипение и звяканье их лат.

– Что вы делаете?! Оставьте его! Он герой! Он только вернулся!

Это был голос Лианы. Она ворвалась в круг, отталкивая одного из стражников, и в её руках была та самая кружка с недопитым пивом. Капитан обернулся к ней, брови взлетели вверх от наглости.

– Герой? Он? Этот вонючий нищий?

– Он солдат Великой войны! У него документы!

– Документы врут, женщина. А мои глаза – нет. – Капитан презрительно фыркнул. – А ты кто такая? Его сообщница?

В ярости и отчаянии Лиана, не думая, швырнула ему в лицо остатки пива из кружки. Пена и тёмная жидкость брызнули на его форму.

Наступила секунда ошеломлённой тишины. Капитан медленно, очень медленно вытер рукавицей пену.

– Взять её, – произнёс он ледяным тоном, в котором не осталось ничего человеческого. – За оскорбление стражи. За препятствование правосудию. И за связь с бродягой, покусившимся на особу, приближённую к маркизу.

Лиану скрутили так же грубо, как и его. Она не кричала, только смотрела на Элиаса полными ужаса и горького понимания глазами. «Я же говорила тебе о больших ушах», – казалось, говорил её взгляд.

Их потащили. Элиас, хромая, с окровавленной губой, Лиану – почти волоком. Прохожие спешно расступались, отводя глаза. Инцидент был исчерпан. Порядок восстановлен.

Дверь камеры с грохотом отворилась, ударившись о каменную стену. В проеме стоял не капитан патруля, а другой человек – в более простом, но чистом мундире сшитом из темно-серого сукна, с лицом, изъеденным паранойей и мелкой злобой. Начальник этой каменной сумки. Его маленькие глазки метнулись от Элиаса к Лиане и обратно.

– Встать смирно! – его голос не был громким. Он был резким, как удар хлыста.

Элиас, опираясь на стену, поднялся. Лиана встала рядом, подбородок дрожал, но взгляд был прямым.

Начальник сделал два быстрых шага вперед, его дыхание пахло луком и гневом.

– Кто приказал? – прошипел он, брызгая слюной. – Кто приказал вам, мрази, нарушать общественный порядок? Я не понял. Что здесь, молчунов включили?

Он уставился на Элиаса, его взгляд впился, как шило. Параноидальная уверенность нарастала в его глазах.

– Это ты. Во всем виноват ты. Это ты это задумал, да?

Он резко рванулся, схватил Элиаса за спутанные волосы и дернул на себя, заставив наклониться. Их лица оказались в сантиметрах друг от друга. Элиас видел расширенные зрачки, жёлтые белки, поры на коже.

– Это твой коварный, пошлый замысел, да? – начальник говорил сквозь стиснутые зубы. – Ты хотел их... изнасиловать. Ты хотел оскорбить и осквернить фавориток маркиза. Да?!

Он заорал последнее слово прямо ему в ухо, оглушительно. Потом отшвырнул Элиаса к стене.

– Признавайся! Да?!

Не дожидаясь ответа, он повернулся к Лиане. Та же жилистая рука впиалась в её волосы, дернув голову назад.

– А ты... ты, стерва... – его голос понизился до ядовитого, сдавленного шепота, и полился поток грязных, оскорбительных слов. Он описывал ей, что с ней сделают в казематах, как сломают, во что превратят, если она не заговорит. Угрозы были конкретны, мерзки и совершенно лишены даже намёка на человечность. Но Лиана, побледневшая как смерть, лишь стиснула зубы. В её глазах был не страх, а ледяная, молчаливая ненависть.

– Ага... Значит, он тебе приказал? – начальник выпрямился, его лицо исказила гримаса торжества. Он кивнул стоявшему у двери стражнику. – Взять её. Наклонить.

Стражник грубо схватил Лиану, скрутив ей руки за спину, и пригнул её к грязному столу. Начальник медленно, с театральным жестом, достал из-за пояса нож похожий на разделочный.

– Ну что, герой? – он обратился к Элиасу. – Будешь рассказывать, что замышлял, или я начну с неё вырезать правду по кусочкам? Начну с того, что...

Его слова оборвал шум в коридоре. Дверь снова распахнулась. В камеру втокнули третьего – Яныка. Он выглядел помятым, но собранным. За ним вошли два стражника. Один из них держал в руках смятый душистый венок и золотую рыбку на тонкой цепочке – всё, что Элиас сбросил с себя перед уходом.

– Обыскали дом, господин начальник, – доложил стражник. – Нашли это.

Начальник тюрьмы взглянул на вещи. Его взгляд задержался на золотой рыбке – тех, что вручали «победителям» в Храме Победы. Вся его агрессивная уверенность, всё параноидальное рвение испарились в долю секунды. Лицо его вытянулось, затем приняло озабоченно-деловое выражение.

Он резко отстранился от Лианы, сунул нож за пояс и выпрямился, поправляя мундир.

– Освободите женщину, – скомандовал он стражнику уже другим, ровным тоном. Потом повернулся к троице пленникам, и его голос стал неестественно вежливым, почти учтивым. – Господа... Прошу прощения за... недоразумение. А как это понимать? Случайно, как понимать ваши... все эти мероприятия?

Он подошёл к грубому столу, отодвинул в сторону старую кружку и сел, выпрямив спину. Его движения стали точными, бюрократическими.

– Что вы хотели этим сказать? – он продолжил, глядя на венок и рыбку, лежавшие перед ним. – Что вы имели в виду, когда... привлекали к себе внимание тех двух особ? Ну, вы понимаете, к кому я имею в виду.

Он обернулся к тёмному углу, где сидел щедушный писарь с табличкой.

– Ты свободен. Я сам составлю протокол.

Писарь, не говоря ни слова, юркнул за дверь. Начальник достал из ящика стола чистый лист бумаги, перо, чернильницу. Всё делалось с подчеркнутой, почти ритуальной тщательностью.

– Так-с, – произнёс он, макая перо. – Давайте по порядку. Почему вы поступили именно так? Что вы намеревались донести своим поступком? Выразить протест? Продемонстрировать что-то? Очень прошу, разъясните. Весьма важно для составления точной картины.

Элиас, Лиана и Янык переглянулись. Янык, первый оправившись от шока, пробормотал что-то невнятное про «недоразумение», «не узнал город» и «просто хотел подаяния». Элиас, следуя его примеру, хрипло добавил что-то о помутнении рассудка от усталости. Лиана молчала, всё ещё дрожа от ярости и пережитого унижения.

Начальник всё аккуратно записывал, изредка кивая. Он не перебивал, не кричал. Он был идеальным, внимательным чиновником.

– Понятно, понятно... Крайне прискорбное стечение обстоятельств... – бормотал он, заполняя лист своим убористым почерком. Наконец, он поставил точку, отложил перо и аккуратно сложил лист.

– Ваше дело, в связи с найденными знаками отличия, будет направлено для дальнейшего рассмотрения в военную комендатуру. Завтра утром вас переведут на допрос к военному коменданту города. Ему и предстоит вынести окончательное решение.

Он встал, сделал короткий, неглубокий, но отчётливый поклон в сторону троих пленных.

– Честь имею.

И, не глядя на них больше, развернулся и вышел, мягко прикрыв за собой дверь. Звук щекотки прозвучал куда тише, чем раньше, но от этого был не менее окончательным.

В камере воцарилась тишина. Элиас медленно сполз по стене на пол. Янык тяжело опустился рядом, положив руку ему на плечо. Лиана, наконец, выдохнула, и её тело содрогнулось от сдерживаемой дрожи. Они не были избиты. С ними вежливо поговорили. Их дело передали по инстанциям. Но от этого холодный ужас, пронизывающий до костей, был только сильнее.

Глава 3. Комендант.

Утро третьего дня Элиас встретил в том же каменном мешке, но уже с двумя товарищами по несчастью. Янык делился скудными крошками хлеба, припасёнными в кармане, Лиана молчала, её взгляд был устремлён внутрь себя, в то место, куда спрятался страх после вчерашних угроз.

Их вывели до рассвета. Не в наручниках, как было принято, а под конвоем из четырёх стражников с алебардами. Повели не через людные улицы, а по узким, чисто подметённым служебным переулкам между белыми стенами зданий. Наконец они вошли в здание, отличное от казармы – с колоннами, высокими окнами и тяжёлыми дубовыми дверьми с бронзовыми накладками. Это была Военная Комендатура. Воздух здесь пах воском и старым деревом. Здесь было много мраморных залов с очень высокими потолками и циклопическими фресками на окнах. Шум каблуков от солдат сапог здесь звенел оглушительным эхом и от всего этого становилось куда страшнее чем на допросе в подземелье.

Их втолкнули в кабинет.

Кабинет был просторным, светлым и нарочито аскетичным. Ни картин, ни гобеленов. На стене висит только карта. Рядом огромный дубовый стол, за которым сидел человек, и два стула для посетителей. Напротив карты – большое окно, за которым сияют безупречные белые крыши нового Минрина.

Сам комендант был немолод, с лицом, высеченным из жёлтого известняка: тонкие губы, высокий лоб, глубоко посаженные глаза, лишённые какого-либо выражения. На нём был тёмно-серый мундир без единой нашивки, только тонкая серебряная нить по воротнику. Он не поднял на них взгляд, продолжая писать что-то пером.

Стражи выстроились у двери. Комендант дописал, отложил перо, аккуратно сложил лист и лишь затем медленно поднял глаза. Его взгляд скользнул по Лиане, по Яныку и остановился на Элиасе. В этом взгляде не было ни любопытства, ни злобы, ни даже профессионального интереса.

– Элиас, бывший рядовой Второго Северного полка второй армии, – его голос был тихим, ровным, лишённым резонанса, словно звук возникал и гас где-то внутри каменной груди. – Вернулся с опозданием в четыре года. Вчера, обладая статусом ветерана с трёхдневной неприкосновенностью, совершил действия, расцененные как нарушение общественного благочиния и неуважение к особам, приближённым к маркизу. Имеет документы. – Он сделал крошечную паузу. – Их подлинность пока проходит проверку.

Элиас молчал. Спорить было бессмысленно.

– По закону, – продолжил комендант, сложив пальцы домиком, – неприкосновенность даётся для безболезненной реинтеграции. Не для демонстративного бродяжничества и создания конфликтных ситуаций. Вы не реинтегрировались. Вы создали проблему. Проблемы подлежат решению.

Он отодвинул в сторону папку с вчерашним протоколом и достал чистый лист.

– Однако, ваши документы и ваш долгий путь представляют определённый... информационный интерес. В свете текущих событий. Вы прошли через земли, бывшие под властью так называемых «Тёмных», и через пограничные территории. Ваши наблюдения могут иметь ценность для архивов военной разведки. – В его глазах на миг мелькнул не интерес, а сугубо практический расчёт. – Давайте, опустим инцидент с дамами. Расскажите, что вы видели. По дороге домой.

Элиас перевел дух. Это была неожиданная развилка.

– Что именно вас интересует, господин комендант?

– Всё. Состояние дорог. Мостов. Население – его настроения, лояльность. Остатки инфраструктуры «Тёмных». Следы их... технологий. Сообщения о выживших группировках или лидерах. Контакты с племенами окраин.

Комендант говорил чётко, как диктует пункты отчёта.

– Дороги, – начал Элиас, подбирая слова, – были разбиты ещё во время наступления. Их не восстанавливали. Кое-где через реки наведены жердевые мосты, которые рушатся после каждого паводка. По ним ходят только местные да такие, как я.

– Население?

– Население... – Элиас снял со лба несуществующую каплю пота, словно снова стоял под тем палящим солнцем. – Его почти нет. Там, где раньше были деревни – пепелища. Я как-то нашёл детскую деревянную лошадку в золе. Она обгорела только с одной стороны. Значит, ребёнка успели схватить и увести, а игрушку обронили. Те, кто выжил, ушли глубже в леса или в горы. Не доверяют никому. Живут малыми общинами, скрытно. Так сейчас везде где мне приходилось быть.

– Их лояльность?

Элиас хмыкнул, не сдержавшись.

– К кому? К тому, кто послал легионы, а потом забыл о них на четыре года? К тому, кто делит добычу в белых дворцах, пока они роют корни? У них нет лояльности. Есть выжженная земля и страх. Анархия растворяет лояльность.

– Значит анархия и разруха... – задумчиво сказал комендант.

Затем он что-то отметил на листе.

– Остатки инфраструктуры «Тёмных». Видели что-то необычное? Здания, механизмы?

– В основном – руины. Их крепости были разграблены и сожжены сразу после битвы. Но... – Элиас замялся, вспоминая. – Недалеко от Чёрных Холмов есть ущелье. Там не было битвы. И там стоит... башня. Не каменная. Из какого-то тёмного, гладкого материала, вроде отполированного чёрного камня или металла. Ни окон, ни дверей видимых. Наши обходили её стороной. Говорили, что это «несгораемый осколок их чёрной магии». Я подходил. Она холодная на ощупь. И... гудит. Еле слышно, будто спит.

Глаза коменданта сузились. Это было первое проявление хоть какой-то эмоции – осторожного, холодного внимания.

– Гудит. Интересно. Выжившие группировки? Слухи?

– Слухи... – Элиас вздохнул. – По возвращении, в тавернах на окраинах, я слышал шепот. Не о колдунах. О «Серых странниках». Людей в простой серой одежде, которые появляются в разорённых деревнях. Не грабят. Не проповедуют. Смотрят. Иногда оставляют странные вещи – куски негниющей верёвки, как у меня была, или чёрные гладкие плитки с мерцающими значками. Говорят, они что-то спрашивают о земле, о воде, о болезнях растений. А потом уходят. Их боятся меньше, чем солдат. Но всё равно боятся.

– «Серые странники», – повторил комендант, и в его голосе прозвучала лёгкая, ледяная усмешка. – Мифология разорённого мира. Продолжайте. Племена окраин. Контакты.

Здесь Элиас опёрся на то, что слышал от Яныка и из обрывков солдатских разговоров.

– На севере, за Хребтом Седла, живут «Заливные». Мы их так звали. Они пришли с дальнего севера, с холодных островов, когда начались морозы. Высаживаются на побережье на своих узких ладьях, обшитых кожей. Не столько воюют, сколько селятся. Колонизируют. Захватывают пустующие земли, строят свои хутора. Их много. Они не едины, у каждого вождя свой клан. Но они... настойчивы.

– Их сила?

– Не в броне и строе. В их упрямстве и в их ладьях. Они плавают там, где мы не ждём. Могут появиться в любом заливе. А ещё у них свои колдуны – «песнотворцы», они хранят историю в песнях и ненавидят каменные города. Считают их гнилыми.

– На западе? – переспросил Элиас, будто возвращаясь из далёких воспоминаний. – Я не был. Но наш сержант, прежде чем ему совсем отшибло голову, говорил, что там друиды одним словом останавливают стычки. Он говорил, что это единственное место, где осталась хоть какая-то магия, не воняющая гарью и кровью. А теперь эти друиды, говорят, селятся в древних фортах.

Комендант перестал писать. «Магия. Порядок. В фортах», – пробормотал он. Его перо резко щёлкнуло о стол. – Никакой магии не существует! – его голос, прежде ровный, взрезал тишину кабинета. – Существует только кровь, пот, сталь и ваша изобретательность, солдат! Я больше не хочу слышать подобного бреда. Это понятно?

Элиас покорно кивнул.

Комендант делал пометки, его перо вновь скрипело по бумаге.

– Экономика. Что используют как плату?

– Золото и серебро вашей чеканки есть только в городах, у купцов, связанных с Минрином. В глубинке... там возврат к натуральному обмену. Пища – вот валюта. Мешок зерна стоит больше мешка монет. Монеты... их носят как бусы, как трофеи. Не как средство расчёта, а как доказательство богатства и удачи. Торговые пути с континентом? Их нет. Каждый порт живёт сам по себе. Голод – обычное дело. Из-за этого любая плодородная долина – причина для резни. Каждый, у кого есть большой двор и десять вооружённых родичей, может назвать себя королём этой долины. И его будут слушать, пока он даёт еду.

Пока Элиас говорит – картина хаоса и распада складывается сама собой. Комендант слушает, и его каменное лицо остается непроницаемым, но что-то выдает в нём удовлетворение.

Наконец, комендант отложил перо.

– Достаточно. Ваша информация будет заархивирована. – Он взял со стола другой документ, с печатями. – Что касается вашего инцидента. Закон о поддержании благочиния предписывает за подобные нарушения тюремный срок с привлечением к тяжёлым работам. Однако, учитывая ваш ветеранский статус, пусть и скомпрометированный, и потенциальную пользу от предоставленных сведений, смертная казнь или каторга в рудниках исключаются.

Он посмотрел на Элиаса прямым, безжалостным взглядом.

– Вы будете сосланы. На пустынный остров Каракум, в тревожное море. Там ведутся работы по строительству форпоста для приёма кораблей. Вы внесёте свой вклад в укрепление границ королевства. Срок – до завершения строительства. После чего, гарантированное помилование и возвращение. – Он сделал микроскопическую паузу. – В случае успеха конечно же.

– А они? – Элиас кивнул на Лиану и Яныка.

– Женщина препятствовала страже. Мужчина – укрывал вас и, вероятно, знал о ваших намерениях. Соучастие. Та же мера. Ссылка на Каракум. Строительство порта там это приоритет №1 для королевства.

Янык опустил голову. Лиана выдохнула, и в её выдохе было не отчаяние, а горькое облегчение. Они оставались вместе. Вместе – в забвении.

Комендант поставил печать на документе.

– Завтра на рассвете вас переведут в порт и погрузят на корабль. Всё. – Он снова взял перо и начал писать, как будто их уже не существовало в комнате. Стражи шагнули вперёд.

Стражи уже взяли его под мышки, чтобы вести, когда комендант жестом остановил их.

– Подождите. Последнее. Ты слышал что-нибудь про людей... в багряных одеждах? Или про город, где всё из красного камня? Факты, сплетни, что угодно? – Голос коменданта был тихим, но в нём стояла сталь.

Элиас, оглушённый приговором, тупо покачал головой. Потом в памяти что-то дернулось. Не образ. Звук.

– Я никогда не был на юге. – он хмыкнул. – На ярмарке в порту, не помню в каком, один купец хвастался тканью. Вынул из ларца кусок материи – цвет как запёкшаяся кровь, но ярче. Говорил, что краситель такой делают из каких-то морских улиток. Тысячу штук на один плащ. И что те, кто его носит, с детства учат законы не по сводам, а по... судебным речам. Учат спорить. Чтобы одно и то же преступление можно было обернуть и милостью, и изменой – смотря как повернуть слово.

Комендант не шевелился.

– Их города. Где стоят? Это Алый град?

– Да кто ж их знает... – Элиас напряг память. – Купец тот болтал, что у них гавани запираются цепями с берега на берег. Не от пиратов. От своих же. Чтобы корабли без разрешающей таблички не сбежали. А ещё... – он вспомнил пьяный рассказ старого лоцмана у костра, – ... у них деньги чеканят не с профилем короля, а с каким-то крабом. И эти деньги ходят даже у нас, в портах. Потому что вес точный. И потому что если ты их подделаешь, они пришлют не головорезов, а счетовода с тремя табличками. Тот проверит все твои сделки за десять лет, найдет просрочку по условной ссуде и объявит тебя банкротом по их законам. А потом заберёт корабль в счёт долга. Законно.

– Они воюют?

– Купец об этом не говорил – Я слышал, что они нанимают. Нанимают дикарей с гор, наших же бывших легионеров, всех. У них есть свои солдаты, но те... – Элиас искал слово, – те больше похожи на полицейских. Следят за порядком внутри стен. А для войны у них стратеги. Не полководцы. А старики в чистых одеждах, которые на песке палочкой чертят карты и высчитывают, сколько нужно заплатить соседнему племени, чтобы оно напало на их врага в нужный день. Они войну берут в аренду, как тачку.

В кабинете стало тихо. Комендант смотрел куда-то мимо Элиаса, его лицо было каменным, но в скуле дёрнулась жилка.

– Что ещё? Любая мелочь.

– Мелочь... – Элиас выдохнул. – Один лоцман говорил, что видел, как один такой багряный торгует. Не товаром, а «акциями» на корабль, который ещё даже не построен. Продал десять долей, собрал серебро, построил корабль, отправил его в плавание, а потом эти доли перепродал втридорога, потому что корабль миновал рифы. И всё это – на кусочках пергамента с печатями. Никто корабля в глаза не видел, а серебро уже сменило трёх хозяев. И все считают это нормальным.

Комендант медленно кивнул, будто поставил последнюю точку в давних расчётах.

– Так и есть – Он махнул рукой стражам. – Всё. Уводите.

Когда их уже почти вывели из кабинета, дверь со стороны внутренних покоев приоткрылась, и в проёме показался человек в мундире адъютанта. Он почтительно склонил голову перед комендантом.

– Господин комендант. Мрачная Госпожа просит аудиенции по делу местной жительницы Лианы, жены рыбака Яныка.

Комендант, уже начавший подписывать следующий документ, не поднял глаз.

– Основания?

– Основание – прошение о её непричастности, подкреплённое фактом службы её дяди в канцелярии Совета в годы правления Собрания. Мрачная Госпожа считает, что женщина стала заложницей обстоятельств, своей наивности и действий незнакомого ей солдата. Её удерживание может породить... ненужные толки среди горожан.

В воздухе повисло молчание. Комендант медленно поставил подпись.

– Женщину – отпустить. В её доме провести повторный, поверхностный обыск для протокола. Под расписку о неразглашении. Мужчина и солдат – этапировать по первоначальному решению.

Адъютант кивнул и скрылся.

Стражи разжали хватку на руке Лианы. Она стояла, не понимая, глядя на Элиаса и Яныка.

– Иди, – хрипло сказал Янык. – Сиди тихо. Забудь, что видела.

Её увели другой дорогой. Янык проводил её взглядом, и на его лице, помимо боли, мелькнуло недоумение. «Какой дядя в какой канцелярии? – прошептал он. – У неё никогда не было никакого дяди. Она сирота с рождения».

Элиаса и Яныка повели вниз, в сырые казематы под комендатурой. В общей камере их уже ждал третий – сухощавый, жилистый человек лет пятидесяти с хитринкой в потухших глазах и шрамом во всю щёку. Он сидел на нарах, разбирая и собирая примитивную ловушку для крыс из обломка проволоки.

– Новенькие? – хрипло спросил он, не глядя. – На острова?

– А тебе откуда знать? – буркнул Янык, опускаясь на противоположный край.

– По глазам вижу, – человек щёлкнул языком. – На галеры не берут – там свои, пожизненные. В рудники – туда гонят толпой, как скот. А когда берут по двое-трое, вежливо так, да ещё после визита к коменданту – это на Карантинный Флот. «Жёлтый флот», как они его между собой зовут. Для тех, кто не вор, но... мыслями провинился.

Элиас прислонился к стене. «Жёлтый флот». Звучало не так ужасно, как «галера».

– Почему «жёлтый»? – спросил он.

– Паруса, – коротко бросил тот. – Их красят охрой, чтоб издалека видно было. Чтоб честные торговцы стороной обходили. Чтоб в портах знали – на борту не товар, а человеческий мусор, ссылка. Класс, понимаешь? Есть рабы – те, кто преступник по делу. А есть те, кто преступник по статусу. С нами даже обращаются почти по-людски. Потому что мы – политический жест. Нас не надо ломать. Нас надо показательно удалить.

На следующее утро их, вместе с десятком других таких же мрачных, немых и молчаливых фигур, построили во дворе тюремного причала. И Элиас увидел его.

Корабль был не большим, но крепким, с высокими бортами. И его паруса – все три – были грязно-жёлтого, унылого цвета, точно вываляны в пыли и глине. Цвет болезни. Цвет предупреждения. На борту виднелись не кандалы на открытой палубе, а решётчатые люки, ведущие в трюм. Несколько человек в простой, но чистой униформе с нашивкой в виде перечёркнутого якоря наблюдали за погрузкой со скучающим видом государственных надсмотрщиков, а не частных рабовладельцев.

Их погнали по трапу. Элиас, спускаясь в трюм, окинул последним взглядом белые стены Минрина, вознёсшиеся на холме. Они были красивы, совершенны и абсолютно безразличны.

Трюм «жёлтого» судна не был адом. Адом была бы хоть какая-то страсть – жар, вонь, крики. Здесь же царила унылая, функциональная чистота. Длинное помещение, разделённое на отсеки решётками. Деревянные нары в два яруса. Вёдра для отправлений в углу. Небольшие решётчатые люки в потолке пропускали скудные столбы пыльного света. Воздух пах солью, деревом и человеческим потом, но не экскрементами – здесь был порядок.

– Распределяйтесь по отсекам, по четыре человека! – прокричал один из надзирателей, небрежно махнув рукой. – Рыбные пайки дважды в день, вода – по мерке. На палубу – только по приказу для работ или для воздуха. Драки, попытки бунта – лишение пайка и одиночка. Цель рейса – остров Каракум. Прибытие – через месяц, смотря по ветру.

Их, Элиаса, Яныка и того самого хитроватого человека со шрамом, звавшегося Горст, заперли в одном отсеке. Судно дрогнуло, послышались крики команд, скрип канатов. Через решётчатый иллюминатор поплыли чайки и удаляющийся белый берег.

Горст лёг на нижние нары, закинув руки за голову.

– Ну что, братцы по несчастью, – сказал он, глядя в потолок. – Добро пожаловать в клуб избранных. Тех, кого мир победившего добра не смог переварить. Здесь у нас есть всё: крыша над головой, скудная еда и много-много времени, чтобы подумать, за что же тебе такое счастье.

Элиас сел на пустые нары напротив. Жёлтый свет из люка падал на его руки. Он смотрел на них, на загрубевшую кожу, на шрамы. Он прошёл войну, голод, предательство. А теперь его везут, как неудобный груз, на край света под жёлтым парусом позора. И этот путь – в чистом, почти стерильном трюме – был, пожалуй, самым унижительным признанием его ненужности.

Глава 4. Жёлтый флот и горечь Чёрных холмов

Дни сливались воедино под мерный скрип корпуса и плеск волн за бортом. Пайка – солёная рыба и пресная вода – выдавалась точно по расписанию. Раз в три дня их по двое выводили на палубу под надзором часовых – подышать воздухом, увидеть бесконечную, равнодушную синеву моря.

Так прошла неделя. Элиас, Янык и Горст, «крысолов», уже перемолвились основными историями. Горст оказался мелким контрабандистом, попавшим под раздачу во время «зачистки» порта от «неблагонадёжных элементов». Его вина была в том, что он спекулировал фиолетовым гранитом. Торговать драгоценностями не запрещалось. Торговля даже поощрялась, но в Минрине была негласная королевская монополия именно на фиолетовый гранит. Формально это приравнивалось к изготовлению фальшивых документов. Но по факту власти расценивали любой контакт с этим камнем как политическое высказывание.

В одну из таких «прогулок» на палубу подняли ещё одного человека. Его втокнули в их отсек поздно вечером, когда решётку уже собирались запирать. Он был высок, широк в плечах, но теперь плечи его были сгорблены. Лицо, обветренное и жёсткое, пересекала старая, сквозная рана от уха до подбородка – работа какого-то тяжёлого, неотточенного оружия. Глаза смотрели прямо и пусто, взглядом человека, который уже ничего не ждёт.

Он молча кивнул своим новым сокамерникам, поднялся на верхние нары и улёгся лицом к стене.

– Новенький, – проворчал Горст, разглядывая его сапоги. – Походка военная. И шрам – это не в драке. Это в строю. Небось, вояка, щит не успел поднять?

Новый пленник не откликнулся. Молчание длилось до следующего дня. Вечером, когда трюм погрузился в полумрак, освещаемый лишь одной тусклой лампой-светильником, он вдруг заговорил, не поворачивая головы.

– Торвальд. Сержант. Третья Северная Армия. Сослан.

– За что? – спросил Элиас. Он чувствовал в этом человеке родственную душу – душу, прошедшую через ад, который теперь отрицали те, кто в нём не был.

Торвальд медленно перевернулся, сел. Его глаза в сумраке казались чёрными провалами.

– За правду. Меня взяла «Мрачная Госпожа». Сказала, что я «подрываю боевой дух» и «распространяю пораженческие настроения» в Храме победителей. Заступничества ждать неоткуда – все мои офицеры погибли. На Чёрных Холмах.

Элиас почувствовал, как в нём что ёкнуло.

– Я был в резерве неподалёку от тех холмов. Мы слышали гул. Как будто земля стонала.

– Земля не стонала, – голос Торвальда был тихим и страшным в своей ровности. – Это умирали люди. Мои люди. И нас использовали. Не как солдат. Как расходный материал. Таран.

Горст притих, перестав возиться со своей проволокой. Янык слушал, не шевелясь.

– Нам приказали, – начал Торвальд, глядя в пустоту, – идти в лоб на позиции Колдуна на южном склоне. Говорили, что разведка нашла слабое место. Что враг деморализован. Что главный удар нанесут с фланга элитные части Второй Армии. Наша задача – «связать боем». Мы пошли. По открытому полю, под градом их «огненных стрел» – не магии, а каких-то горшков со смолой и селитрой, которые взрывались в воздухе, секая осколками.

Он замолчал, сглотнув.

– Слабое место оказалось каменной стеной с частоколом. Флангового удара не было. Вашу Вторую Армию я увидел только через три дня – они шли по нашим трупам, уже после того, как основные силы Колдуна отвели, видимо, по своему плану. Они взяли почти пустые высоты. А наш полк... Из пятисот человек к вечеру первого дня на ногах стояло меньше сотни. Нас не вывели. Нам приказали «держаться», пока не подойдут резервы. Резервы подошли, когда держаться было уже некому.

Элиас слушал, и в его памяти всплывали обрывочные рассказы, глухой ропот в тылу, лица солдат, которые отводили глаза, когда речь заходила о «великой победе при Чёрных Холмах». Он думал, это просто солдатская зависть к тем, кому досталась слава.

– А в сводках, – продолжал Торвальд с горькой усмешкой, – написали: «Доблестные части Третьей Армии ценой невероятных усилий и героических потерь сковали главные силы врага, создав условия для решающего флангового манёвра Второй Армии под личным командованием маркиза Барабана. Их самопожертвование навсегда вписано в анналы доблести». Самопожертвование. – Он плюнул на пол трюма. – Нас просто положили в грязь, чтобы по нашим спинам прошли те, у кого были нужные связи и чьи портреты теперь висят в новом Храме Победы. А моих ребят... их даже не все похоронили. Я сам потом, с парой выживших, рыл ямы. Нашли мы не всех.

В трюме стояла тяжёлая, густая тишина. История Торвальда была как камень, брошенный в тихую воду их общего отчаяния. Кругом пошли круги, связывая их судьбы.

– У нас было похожее, – тихо сказал Янык. – В Южной армии. Нас бросали на усмирение «союзных» кочевых племён, которые отказывались давать провиант. Официально – «наведение конституционного порядка» в «конфедерации кочевых союзных племен». А по факту – грабёж. Чтобы отчитаться о «поставках для фронта». А потом эти самые племена переметнулись к Колдуну, и нам же пришлось с ними воевать. В сводках это назвали «пресечением коварного заговора».

– «Конституционный порядок»... у кочевников – с насшемкой сказал Горст – никогда не видел скотоводов, которые умели бы читать или писать.

– Я тоже – тихо и без иронии сказал Янык.

Элиас вспомнил философа у колодца, считающего динарии. Вспомнил золотую рыбку на своей шее. Он был частью этой машины, которая перемальвала людей в героические мифы и золотую пыль для фонтанов. Он воевал не со Злом. Он воевал за право одних мерзавцев строить белые стены на костях других.

– Значит, всё это... – начал он, но слов не было.

– Всё это – ложь, – закончил за него Торвальд. – С самого начала. Нас посылали умирать не за высокие идеалы. А за ресурсы, за влияние, за место у кормушки после победы. А те, кто выжил и стал задавать вопросы... – он обвёл рукой тесный отсек, – ...вот их место. На «Жёлтом Флоте». Чтобы не портили красивую сказку.

– ...чтобы не портили красивую сказку.

Слова Торвальда повисли в душном воздухе трюма, густые и неопровержимые, как смола. Элиас сидел, обхватив голову руками. Картина, складывающаяся из этих рассказов, была до безобразия ясна и отвратительна. Но внутри него ещё что-то цеплялось за привычные опоры. За формальности. За символы.

Медленно, почти против воли, он потянулся за пазуху, под грубую рубаху, и нащупал на кожаном шнурке холодный металл. Вытащил. В тусклом свете светильника тускло блеснула золотая рыбка – два изогнутых полуовала, слившихся в единую, абстрактную форму.

– Скажи, Торвальд, – голос Элиаса прозвучал хрипло, – а это что значит?

Он протянул амулет на ладони. Торвальд взглянул, и его каменное лицо дрогнуло. Он не взял рыбку, лишь пристально, с каким-то болезненным интересом, вгляделся в неё. Молчание длилось долго. С полминуты, что в тесной камере показалось вечностью. Потом он медленно поднялся, подошёл к решётчатому отверстию в борту – узкому лазу для воздуха, через который в трюм проникал солёный ветер и лоскуты света. Он прильнул к нему лицом, будто ища в океанской дали ответ.

– Это значит, – произнёс он наконец, и его голос, обращённый к морю, звучал глухо и отрешенно, – положение Луны и Солнца в зодиакальном доме Рыб в момент, когда ты вернулся в Минрин. Месяц, когда вода побеждает землю. Месяц, когда кончается старая рыба и начинается путь новая. Их жрецы, в новом Храме Победы, любят такие штуки. Две дуги... – Он обернулся, и в его глазах горел холодный, аналитический огонь, чуждый прежней апатии. – Это знак Двух Рыб. Символ двойственности. Для всех он означает одно: воин и государство – как две рыбы в одной реке. Разные, но неразрывные. Или единство старого и нового. Твоя жертва и наше светлое будущее – одно целое. Красиво, да? А ещё – знак плыть по течению. Рыба не спорит с рекой. Рыба молчит. Тебе дали этот символ, чтобы ты замолчал и плыл. Стал частью потока, которым управляют другие.

Горст присвистнул.

– А нам-то, простым смертным, ничего не дали. Только пинка под зад.

– Но... – Элиас смотрел на рыбку. – Но она одна. Одна рыбка из двух дуг. Мне вручали её как... как целое.

Торвальд оторвался от лаза и вернулся к нарам. Теперь он смотрел на Элиаса с неожиданной, почти клинической внимательностью.

– Одна? Это... странно. Их обычно выдают парой. Две отдельные рыбки, соединённые цепью. Одна – тебе. Другую... – Он запнулся, и в его взгляде промелькнуло что-то тяжёлое, личное. – Другую отдают твоей жене. Чтобы союз был скреплён. Чтобы она помнила, к какому

потоку принадлежит. Но одна... – Он покачал головой. – Одна – это усечённый символ. Это как... как одна половинка заклёпки. Бесплезная вещь без пары. Либо тебя сочли настолько никем, что не стали утруждаться полноценным обрядом. Либо... – Он прищурился. – Либо твоя пара уже была кому-то выдана раньше. Или её отказались принять.

Мысль ударила Элиаса, как молотком по наковальне. Арина. Фиолетовое гранитовое ожерелье на её шее, а не эта жалкая золотая безделушка. Пара его рыбки была отвергнута. Ей выдали другой символ, символ иного потока – потока милости маркиза. Его одиночная рыбка была не символом единства, а клеймом отверженного, человека, чей союз был разорван ещё до того, как он вернулся.

– Откуда ты всё это знаешь? – спросил Янык, нарушая гнетущее молчание. – Такие тонкости...

Торвальд вздохнул, и этот вздох был полон такой усталости, что, казалось, он длился долгие месяцы его неволи.

– Моя жена... Лидра. Когда я вернулся с холмов – не героем, а калекой с пустыми глазами и пустым кошельком, – ей предложили «почётную долю». Уйти служить в новый Храм Победы. Жрицей-хранительницей скрижалей. Пожизненно. С обетом безбрачия и отречения от мирской семьи. За это ей бы обеспечили хлеб, крышу над головой, уважение. А мне... мне дали бы покой и, возможно, мелкую должность. – Он горько усмехнулся. – Она... она была умна. И боялась голода. И видела, во что я превратился. Она согласилась.

Он замолчал, сжимая и разжимая кулак со шрамами.

– Я мог приходить к ней. Раз в месяц. Стоять по ту сторону решётки в приёмной храма. Говорить о погоде. О быте. Смотреть, как её лицо, которое я помнил смеющимся, становится всё более неподвижным, как у тех мраморных нимф в парках. Платонические отношения, да. Я был её прошлым, от которого она отреклась ради безопасности в новом мире. А потом... потом я начал говорить. На одной из таких встреч. О холмах. О том, что наша жертва была бессмысленной. Она не сказала мне замолчать. Она просто перестала смотреть мне в глаза. А через неделю пришла стража. «Мрачная Госпожа» проявила интерес. Сказали, что Лидра подала прошение о моей «реабилитации через полезный труд вдали от болезненных воспоминаний». Так я оказался здесь. Может, меня упрятали за то, что я говорил вам сейчас. А может, просто потому, что я был живым, ходячим укором её новому, чистому существованию. Мёртвых героев – чтят. Живых, разбитых и говорящих правду, – удаляют. Вот откуда я знаю про их символы. Я изучил всю эту храмовую мишуру, пытаюсь понять, в какой же поток она вписалась. И что она за рыба теперь без меня.

После этого в трюме стало тихо. Шум волн и скрип дерева теперь казались не просто фоном, а саундтреком к полному крушению всех иллюзий. Элиас зажал золотую рыбку в кулаке. Холодный металл впивался в ладонь.

Одна рыба.

Что она могла значить?

Мысли налетали вихрем, нестройные и колючие.

Знак вдовства. Его «половина» была мертва для государства. Он – человек без связей, одинокий атом. Рыбка, выброшенная на берег. Знак разрыва. Союз расторгнут указом свыше. Он – отход, обрезок, усечённая связь. Ирония. Ему дали символ единства, лишив единства.

«Вот твой идеал. Посмотри, как легко мы его для тебя разрушили. И носи его обломок». Или метка. Особый знак для надзирателей: «Этот – с историей предательства сверху. Его некому защитить. Можно не церемониться».

Но все эти варианты сливались в один горький осадок. Вся его ярость у колодца, вся горечь от рассказа Торвальда, вся холодная боль от вида Арины с чужими фиолетовыми гранитами – всё это сжималось теперь в один маленький, холодный, абсурдный предмет. Этот кусок металла был квинтэссенцией лжи нового мира. Красивая форма, внутри – пустота и ложь. Символ, которым вытирали ноги.

Элиас смотрел на сжатый кулак.

– Значит, я... я даже не полная рыбка, – наконец выдохнул Элиас, и в его голосе не было уже ни злости, ни отчаяния. – Я обрубок. Осколок. Мне выдали ярлык на то, чего у меня нет и не будет.

Торвальд мрачно кивнул.

– Добро пожаловать в клуб обрубков. Здесь все такие. У Яныка отняли дело жизни – море и семью. У Горста – его знание и свободу. У меня – прошлое и жену. А у тебя... Теперь ты свободен. Свободен от иллюзий. Осталось только выжить. А потом, может быть, найти, что с этой свободой делать.

Элиас разжал кулак. Золотая рыбка лежала на его потной, грязной ладони. Он посмотрел на неё долгим, немигающим взглядом. Потом с силой швырнул её в угол отсека, где она со звоном ударилась о деревянную балку и закатилась в щель между досками.

– Нахрен её, – тихо сказал он. – Пусть там лежит.

Больше они не говорили. Они лежали в темноте, каждый на своих нарах, слушая вой ветра в такелаже.

Дни в трюме слились в одно долгое, солёное забытьё. Но на десятый день монотонный гул волн и скрип уключин сменился новыми звуками: криками чаек, отдалёнными окриками с других судов, гулом жизни огромного порта. «Жёлтый Флаг» замедлил ход, и в трюм ворвался не только свет, но и странный запах – не рыбы и гнили, а пряностей, горячего масла и чего-то едкого, химического.

Их не выводили на палубу, но через решётчатый люк и узкие лазы было видно отблески необычного света. Не белого и не золотого, а глубокого, пульсирующего алого.

– Куда мы приперлись? – прошипел один из заключенных. – Ад, что ли?

– Хуже, – мрачно отозвался Торвальд, не подходя к свету. – Цивилизацию смотрим.

Элиас и Янык втиснулись рядом с Горстом. То, что они увидели, заставило их забыть о духоте и отчаянии.

Они проплывали мимо столицы. Но это был не Минрин с его вымеренной геометрией белого известняка. Это было что-то органическое и чудовищное. Весь город, казалось, был высечен из единой скалы кроваво-красного цвета. Башни, стены, мосты, даже крыши домов

– всё переливалось оттенками застывшей лавы, запёкшейся крови и спелого граната. Солнце, стоявшее в зените, било в эти плоскости, и город пылал, ослепительный и жуткий.

– Господи... – прошептал Янык. – Весь из красного камня.

– Камень? – усмехнулся Горст, щурясь. – Ты глаза протри, земляк. Присмотрись к граням. Видишь, у основания башни, в тени? Это не красное. Это... обычный светлый камень. Как у нас.

Они всмотрелись. И правда, в глубоких тенях, куда не попадало солнце, стена была бледно-серой, почти белой. Но стоило лучу скользнуть по её поверхности, как камень будто загорался изнутри, наливаясь рубиновым свечением.

– Это... магия? – неуверенно спросил Элиас.

– Магия, хе, – фыркнул Горст. – Химия. Видишь те желоба под карнизами? И эти трубы? Это не водосточные. Это для краски. Невидимой. Я такие штуки слышал. Пигмент, который днём, на солнце, светится красным. А ночью, или в тени, он прозрачен. Они просто покрыли весь город этой дрянью. Дорого. Очень дорого. Целый город выкрасить... У них либо золотые горы, либо самый наглый в мире блеф.

Корабль медленно втягивался в акваторию порта. Теперь они могли разглядеть детали. Гавань была перегорожена массивной цепью, звенья которой были толщиной в бревно. Её опускали и поднимали лебёдки с двух берегов. К причалам теснились десятки кораблей – не широкие, неуклюжие транспорты, как их «Жёлтый Флаг», а узкие, стремительные каравеллы с высокими мачтами. На всех реях развевались флаги и вымпелы, но ни на одном не было герба или лика правителя – только геометрические узоры, стилизованные крабы и сложные числовые коды.

Воздух гудел от активности. Голоса не звучали громко – здесь не кричали. Здесь торговались. Чёткие, быстрые диалоги, щёлканье счётов, скрип перьев по пергаменту. На набережной люди в одеждах всех оттенков багрянца – от тёмно-лилового до ярко-алого – осматривали товары, не прикасаясь к ним, лишь кивая или делая отметки на восковых табличках.

– Смотри-ка, – ткнул пальцем Янык. – Видишь того толстяка в плаще цвета старого вина? Он не покупает бочки. Он покупает... бумажку на бочки. Смотри, дал серебро, получил пергамент с печатями, и пошёл. А бочки даже с корабля не выгружают. И корабль уже отчаливает. Что он купил? Право на бочки, которых здесь нет?

Торвальд мрачно наблюдал за солдатами на стенах. Они не походили на легионеров. Их доспехи были лёгкими, почти декоративными, больше похожими на униформу. Они не патрулировали – они стояли на постах, наблюдая не за горизонтом, а за происходящим на улицах, как надзиратели на рынке.

– Они воют? – повторил про себя Элиас слова коменданта. – Нет. Они просто... управляют.

– Заткнитесь уже, – раздался хриплый голос из темноты трюма. Это был пожилой заключённый, которого все звали Деда. – Одни города смотрят, другие города обсуждают... Дайте

поспать перед каторгой. Наслаждаться их красками будут те, у кого есть золото, а не те, у кого кандалы.

Янык хотел огрызнуться, но замолчал. Деда был прав. Этот сверкающий ад был не для них. Он был воплощением той самой силы, которая победила даже страх коменданта. И она была красивой. Пугающе красивой.

«Жёлтый Флаг» простоял в порту недолго, ровно столько, чтобы принять на борт несколько ящиков под охраной людей в тёмно-багровых плащах – «счетоводов», как сразу определил Горст. Ящики были тяжёлыми, с характерным звоном монет. Затем цепь опустили, и корабль снова вышел в открытое море. Когда город скрылся за горизонтом, наступила ночь. И кто-то из заключённых, выглянув в последний раз, ахнул.

– Смотрите... Луна.

Они прильнули к щелям. В лунном свете, холодном и серебристом, город-призрак на берегу уже не пылал. Он светился ровным, фосфоресцирующим белым светом, как призрачный двойник Минрина. Тот же порядок, те же прямые линии, но словно вырезанные из лунного камня. Пигмент, активный на солнце, под луной становился невидимым, обнажая истинный, бледный материал стен.

– Защитная магия, – пробормотал Янык. – Днём – устрашение. Ночью – невидимость для врага.

– Или просто экономия, – сказал Горст без былого ехидства. – Зачем красить то, чего никто не видит? Ночью все спят. Или считают прибыль.

Это зрелище – два города в одном, багровый день и белая ночь – стало последним гвоздём в крышку их старой жизни.

Ещё неделю они шли на юг. Воздух становился гуще и солонее, небо – медным от жары. В одну знойную, безветренную полуденную вахту на горизонте показалась полоска земли. Не зелёной и не белой, а жёлто-бурой, как шкура мёртвого зверя. «Жёлтый Флаг» замедлил ход, но не пошёл к видимой вдалеке бухте. Вместо этого он замер на месте, едва заметный остров стал медленно вырастать из морской дымки.

– На выход! – рявкнул в трюм надзиратель. – Собирайте свои пожитки, которых у вас нет! Сейчас поплывёте на берег. Быстро!

Их выгнали на палубу. Солнце било в глаза, отражаясь от плоской, маслянистой воды. Вдоль борта качались три шлюпки. Заключённых, бормоча проклятия, стали грузить в них под присмотром стражников с арбалетами.

– Гребите, – коротко бросил старший по шлюпке, указав на вёсла. – Прямо на ту полосу песка. Не сбивайтесь.

Шлюпки отчалили. Сначала всё шло как обычно – тяжёлые взмахи вёсел, плеск, удаляющийся борт «Жёлтого Флага». Но не прошло и полчаса, как одно из вёсел с глухим стуком ударилось о что-то твёрдое под водой. Ещё через несколько гребков стало ясно – они идут

по мелководью. До берега было ещё добрых полтора-два километра, но вода едва доходила до бортов, а дно, покрытое острыми ракушками и скользкими водорослями, ясно проступало сквозь толщу.

– Что за чёрт? – пробормотал Янык, глядя на воду, в которой теперь можно было разглядеть каждую песчинку.

– Стоп! – скомандовал надзиратель в их лодке. Он встал во весь рост, оценивая глубину шестом. Вода едва доходила ему до пояса. Он усмехнулся, оскалив жёлтые зубы. – Ладно, господа путешественники. Дальше – пешком. Вылезайте. Приятной прогулки.

– Вы с ума сошли?! – крикнул кто-то с другой шлюпки. – До берега километра два!

– Или плывите, – равнодушно ответил надзиратель, беря на изготовку арбалет. – Но если попробуете нырнуть или отклониться в сторону – получите болт между лопаток. Вода прозрачная, не спрячетесь. Вылезайте.

Пришлось повиноваться. Элиас первым перевалился через борт. Тёплая, густая вода оказалась ему по грудь. Дно было предательским – то твёрдым песком, то внезапными ямами. Следом, ругаясь, сползли остальные. Надзиратели остались в лодках, медленно гребя за ними, как пастухи за стадом утопающих овец.

Так начался их последний переход к Каракуму. Они брели. Сначала пытались идти нормально, но вода цепляла за ноги, одежда тянула вниз. Через двадцать минут мышцы ног горели, дыхание сбивалось. Кто-то попробовал плыть по-собачьи, но надзиратель тут же выстрелил болтом в воду в сантиметре от его головы.

– Шагать! Не нырять! – прозвучала команда.

Они шагали. Вода то спадала до пояса, то поднималась до подбородка, заставляя запрокидывать голову. В какой-то момент Элиас наступил на что-то скользкое и ушёл с головой, наглотавшись солёной воды. Его вытащил Торвальд, молча, одной железной хваткой.

Шли они больше полутора часов. Солнце палило нещадно, отражаясь от водной глади. Соль разъедала глаза и губы. Сильнейшие начали помогать слабым, почти тонущим. Они тащились, сплетаясь руками, как цепь каторжников, которых они вскоре станут. Янык, самый subtilный, уже не мог идти сам – его волокли за собой Элиас и бывший сержант. Горст, всегда полный ехидства, теперь молчал, стиснув зубы, и лишь его глаза горели немой, бессильной яростью.

Когда до берега оставалось метров триста, вода окончательно спала. Теперь они шли по колено в воде, по раскисшему песку, который засасывал ноги. Каждый шаг требовал нечеловеческих усилий. За спиной у них оставался длинный, извилистый след, как будто по морю прошло раненое чудовище.

Наконец, первые из них вывалились на горячий, ослепительно жёлтый песок пляжа. Они падали, не в силах стоять, отплевываясь солёной водой и судорожно лоя ртом воздух. Ноги дрожали от напряжения, а кожа под мокрой одеждой была стёрта до крови ракушками и солью.

На берегу их уже ждали. Десяток человек в потрёпанной, когда-то серой форме с нашивками в виде сломанного меча. И один – в чистой, отутюженной рубашке и с плёткой на поясе. Это был начальник лагеря. Он наблюдал за их мучительным выходом на сушу с выражением холодного, научного интереса на лице, напоминавшем высохшую грушу.

Последние метры они ползли. Когда все заключённые, мокрые, задыхающиеся и полумёртвые, оказались на песке, начальник лагеря сделал шаг вперёд.

На причале их уже ждали. Десяток человек в потрёпанной, когда-то серой форме с нашивками в виде сломанного меча. И один – в чистой, отутюженной рубашке и с плёткой на поясе. Это был начальник лагеря. Он был невысок, жилист, с лицом, напоминающим высохшую грушу, и маленькими, очень внимательными глазками-бусинками. Он оценивающе смотрел на новоприбывших, пока их выстраивали в линию.

– Меня зовут Грот, – сказал он, не повышая голоса, но так, что было слышно каждое слово поверх шума прибоя. – Я – ваше солнце, ваша луна и ваш бог на этом паскудном клочке ракушечника. У вас есть полгода. Ровно. Чтобы построить форпост для приёма королевских кораблей. Причал, склады, казармы, сигнальную башню. Из того, что есть. – Он сделал паузу, обводя их безучастным взглядом. – Не постройте – станете частью фундамента. Места в здешней земле хватит на всех. Вопросы?

Вопросов не было. Была лишь гнетущая тишина, нарушаемая криком чаек.

Грот медленно прошёлся вдоль шеренги, вглядываясь в лица. Его взгляд скользнул по Элиасу, по Яныку, по Торвальду... и остановился на Горсте. Он замер, его брови поползли вверх.

– Как звать? – спросил он, подойдя вплотную.

– Горст, – буркнул тот, глядя куда-то мимо, в скалы.

– Горст? – Грот произнёс это так, будто услышал неприличную шутку. В его глазах вспыхнула не то злоба, не то холодное, садистское любопытство. Вся лагерная тишина натянулась, как струна. – Ты сказал – Горст?

– Да, – уже с вызовом ответил заключённый, наконец встретившись с ним взглядом. – Горст. Что, имя редкое?

– Редкое? – Грот усмехнулся, и это было страшнее крика. Он сделал шаг вперёд, и теперь его лицо было в сантиметре от лица Горста. – Это моё имя. Меня зовут Грот. А тебя... тебя звать «Песок». Или «Червяк». Но не Горст. Здесь может быть только один человек с таким... сильным именем. Это я. Понял, хамло?

Он говорил тихо, с какой-то интимной гадостью. Горст, почувствовав опасность, инстинктивно опустил глаза – жест подчинения, который он отработал за долгие годы мелкого жульничества.

Грот это заметил. Его рука молнией взметнулась и грубо вцепилась в подбородок Горста, задирая его лицо вверх.

– Ты что, быдло? Я не понял. Мой тёзка должен смотреть гордо! А ты что? Сыкун, что ли?

Пальцы Грота, жилистые и цепкие, как корни, впились не просто в кожу. Он нащупал угол нижней челюсти и с силой, рассчитанной причинить максимальную боль, начал сдавливать. Это был особый, тюремный приём – давление на нервные узлы и хрящ. Боль была невыносимой, острой и унижительной.

Горст ахнул, попытался вырваться, но двое надзирателей сразу схватили его за руки. Из его горла вырвался сдавленный, животный стон.

– О-о-о... – протянул Грот с фальшивым сочувствием. – Что это? Орёшь, как баба? Мужчина должен терпеть. Особенно мужчина с таким именем. Которого, впрочем, больше нет.

Он усилил давление. Раздался негромкий, но отчётливый хруст – не кости, а сместившегося сустава. Горст закричал, уже не стоном, а визгливым, полным ужаса и боли воплем, который разорвал звенящую тишину бухты.

Грот отпустил его. Горст рухнул на песок, держась за челюсть, из угла его рта текла слюна с кровью. Он не мог закрыть рот, его лицо было искажено гримасой страдания.

Надзиратель вытер пальцы о свою чистую рубаху.

– Видите? – спокойно обратился он к остальным. – Здесь не место для слабости. И не место для случайных тёзок. Имя – это ответственность. У этого её не было. – Он кивнул одному из своих людей. – Отнесите «Песок» в лазарет. Если выживет – у него будет новый шанс. На самой глубокой каменоломне.

Двое надзирателей подхватили стонущего Горста и потащили прочь. Грот снова обвёл взглядом оцепеневшую шеренгу. Его взгляд остановился на Элиасе, который сжимал кулаки, чувствуя, как его собственная челюсть сводит от напряжения.

– Остальные, – сказал Грот, и в его голосе снова звучала деловая, безличная интонация, – у вас полгода. Инструменты и первое задание вы получите у барака №1. Кто не выполнит норму к закату – останется без воды. Кто не выполнит задание через полгода...

Он не договорил. Просто посмотрел в сторону, куда уволокли Горста, и медленно, выразительно провел ребром ладони по собственному горлу. Жест был понятен без слов.

Потом он развернулся и пошёл в сторону своего барака.

Новоприбывших под крики и толчки повели к груде ржавых кирок, лопат и тачек. Элиас шёл, чувствуя на спине пристальный взгляд Торвальда. Они не смотрели друг на друга.

Когда Грота окончательно исчез из поля зрения, Элиас сорвался, ударив кулаком по борту тачки.

– Да кому нужна эта дыра?! Чтобы мы тут сдохли? Ради этого мы через пол-моря пешком плелись?!

Янык и Торвальд молчали. Ответ пришёл со стороны. Мимо них, волоча ногу, проходил старый зек с лицом, напоминающим потрескавшуюся глину.

– Чтоб Алюю Гавань удавить, новенький, – хрипло бросил он, не останавливаясь. – Ты в лужу смотришь, а они на карту глядят.

Элиас обернулся. Старик прислонился к бочке, доставая окурочек.

– Какая карта? – спросил Элиас.

– Та, где Алое Королевство – горло, – старик махнул рукой на запад. – Через их перешеек все товары со всего юга идут. А мы, Белое Королевство – кулак. Сильный, тупой. Дотянуться не можем. А между нами – вот оно. – Он плюнул в сторону мелководья. – Лужа размером с тридевятое царство. Глубже четырех метров нет.

– И что? Мы тут флот построим?

Старик усмехнулся, выдыхая дым.

– Флот не надо. Каракум – он на краю этой лужи. Есть тут один проход, подводная ложбинка. Его углубить, причал поставить – и корабли с юга пойдут сюда, а не в Алюю гавань. В три раза короче. Все их пошлины, вся власть – коту под хвост.

Мысль повисла в воздухе, чудовищная и простая.

– Такой важный остров... и никому не нужен, – пробормотал Элиас. – Никто не воюет.

– Потому что это не война, – проскрипел старик. – Это бухгалтерия. Свободный человек не полезет в эту мясорубку ни за какие деньги. Шторма тут корабли, как скорлупки, щёлкают. Из-за мелководья летом тут влажность и жарница как в парилке.

– А почему их, алых, здесь нет? – встрял Торвальд.

Старик посмотрел на него с плохо скрываемым презрением.

– Они не воюют. Они считают. У них не короли, а советы директоров. И ни один совет не одобрит стройку, где риски не посчитаны, а прибыль – через двадцать лет. Акционеры взбунтуются.

Он докурил, растоптал окурочек.

– А у нас – воля государева. Можно в яму всё списать: и золото, и инженеров, и нас, ущербный человеческий мусор. Мы для них – стройматериал. Дешёвый. Для алых – каждый раб статья расходов. Невыгодно. Вот и вся разница.

Старик опять усмехнулся, выдыхая дым.

– Маркиз Барабан хочет торговую монополию сломать. Там, на севере, за островами-Карманами – он мотнул головой. – Глубокое море. Там наши корабли хозяева. И их, алых, тоже. Там мы в паритете. А весь жирный юг... он отрезан. Острова-Карманы цепью с запада на восток – как стена. К югу от них – только это самое Тревожное море, сплошная мелководная жижа, где любой флот садится на мель, как чушка в грязи.

Он прищурился, глядя на Элиаса.

– И есть только одна дорога с юга на север. Западный Обход. Длиннющая, но безопасная. И ведёт она напрямиком в Алюю Гавань. Они – как горло. Всё, что идёт с юга, проходит через их таможеню, их кошельки. Они накручивают цены, а мы платим. Они богатеют, а мы – нет.

Старик плюнул.

– Каракум – это попытка пробить дыру в стене. Мы здесь, на юго-западном краю этой мелководной жижи. Если тут, на этом проклятом клочке, выдолбить глубокий канал и поставить причал... Кораблям с юга будет в разы выгоднее идти сюда, а не тащиться через весь их Алый Обход. Мы перекроем им кислород. Не мечом. Причалом.

– Погоди... – перебил Элиас. – Допустим, построим. Но ведь мелководье-то никуда не денется. Зимой же тут... что? Шторма? Лёд? Корабли не поплывут.

Старик фыркнул, будто ждал этого вопроса.

– Зимой тут смерть ходит, – коротко бросил он. – Не лёд – его нет. Туман, в котором за версту ничего не видно. И ветра... – он свистнул сквозь редкие зубы. – Ветра, что за пару часов поднимают волну, какой на глубокой воде не бывает. Мелко же – вода не раскачивается, а встаёт стеной. «Волны-убийцы» их называют. Любого корабль, даже наш плоскодонный, на куски.

Он помолчал, смотря на горизонт.

– А с апреля по октябрь – другое дело. Море успокаивается. Туман редко. Волны хоть и крутые, но не смертельные. Южные корабли смогут заходить. Разгрузятся. А товар наш каботажник, мелкосидящий, вдоль берега на север потащит. Медленно, да. Опасно, да. Но дешевле и ближе, чем платить Алому Перешейку за каждый мешок перца. Они не разорятся. Но глотку им мы всё равно пережмём. А за это «пережмём» нам тут, кости ломать и велено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.